

ОТ АВТОРА ФИЛЬМОВ «ЛЕГЕНДА №17» И «ЭКИПАЖ»

ГЛАВНАЯ ПРЕМЬЕРА 2023

Н Ю Р Н Б Е Р Г

ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ, СЕРГЕЙ БЕЗРУКОВ, ЛЮБОВЬ АКСЕНОВА И ДР.

Николай Игоревич Лебедев

Нюрнберг

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963415
Нюрнберг / Николай Лебедев: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184556-8

Аннотация

Капитан Игорь Волгин дошел до Берлина. Но долгожданная Победа не стала точкой в его военной судьбе. По воле случая он, владеющий языками и опытом оперативной работы разведчика, оказался в Нюрнберге, где в это время начинался судебный процесс над главарями Третьего рейха. Став членом советской делегации, Волгин получил еще и долгожданную возможность отыскать следы родного брата, пропавшего в этих краях в годы войны. Однако в тот момент, когда первая зацепка в поисках была найдена, в ходе Нюрнбергского процесса случился неожиданный поворот. Сам того не ожидая, капитан снова оказался на огневом рубеже...

Международный военный трибунал открылся в Нюрнберге 20 ноября 1945 года, став беспрецедентным событием XX века. Впервые на скамье подсудимых оказались главные лица целого государства, обвиняемые в совершении военных преступлений. Человечество совместными усилиями осудило германских нацистов – разжигателей самой страшной трагедии в

мире. Приговор этим преступникам стал фактической точкой в истории Второй мировой войны.

Содержание

1. Беглец	7
3. Это горькое слово – победа	35
4. Пакет	41
5. Похищение	51
6. Нюрнберг	60
7. Мигачев	66
8. Разговор с тенью	74
9. День, который так ждали	83
10. Зал 600	96
11. Концерт	106
12. Лена	111
13. «Я тебя люблю!»	115
14. Портрет	123
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Николай Лебедев

Нюрнберг

*Памяти моих родителей
Игоря и Елены Лебедевых,*

*а также
дяди Николая Лебедева,
погибшего на фронтах
Великой Отечественной
6 апреля 1945 года,*

посвящаю...

К годовщине главного суда эпохи над фашистскими палачами в Нюрнберге.

На основе реальных событий.

О личной трагедии человека и величайшем процессе человечества...

© Лебедев Н.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Беглец

...Николай внезапно замер и посмотрел ему прямо в глаза – строгие, жесткие, заносчивые.

Помедлил несколько секунд. Потом взял кисть, размахнулся что есть силы и острым тыльным концом попал прямо в черную точку посередине глазного яблока. Холст с треском разошелся. Он проткнул его с новым, торжествующим чувством, перемешанным с ненавистью, которую давно испытывал к этому человеку.

Николай долго крутил кисть, расширяя дыру, потом схватил с колченогого столика банку с черной краской и выплеснул в лицо Гитлера.

Брызги разлетелись во все стороны. Краска поползла вниз, скрывая лицо: и усики, и тонкие губы под ними. Кажалось, одноглазый Гитлер брезгливо морщится, продолжая буравить Николая взглядом из-под косой челки.

Николай осмотрелся по сторонам. На него глядели со всех сторон солдаты, улыбающиеся лица бюргеров, гитлеры в разных позах. У гитлеров был мрачный, высокомерный, но в то же время ироничный вид.

А за окном, закрытым ржавой, но прочной решеткой, по-прежнему полыхало. Вспышки молний высвечивали полдюжины фюреров, надменно-осуждающе глядящих на Николая с неоконченных портретов.

«Сегодня или никогда. Уж лучше погибнуть, чем гнить в этом проклятом месте».

А ведь где-то идет война, и он еще нужен. И может, он сможет добраться до линии фронта, до своих. А если не сможет, если его убьют при попытке к бегству? Что ж... В конце концов, он уже нарисовал то, что ему было суждено нарисовать, – он создал Фреску. Никакие силы не смогут стереть ее.

А вот то, что он нарисовал помимо Фрески, вынужден был нарисовать, надо уничтожить здесь и сейчас. Не откладывая. В эту самую ночь – 6 апреля 1944 года.

И он принялся уничтожать все, что находилось в мастерской. Бесшумно и методично. Николай остановился лишь тогда, когда все плакаты и картины, все плоды его подневольных трудов были залиты краской, исполосованы, превращены в хлам.

Фигуры ладных, статных арийцев в униформах скрылись под огромными неряшливыми кляксами. Что же касается лица фюрера, то Николай замазывал его на всех плакатах отдельно, держа в изуродованной руке малярную кисть.

Потом он в мелкие клочки изорвал фотографии, которые приносил ему Молот. На всех этих фотографиях был изображен Гитлер в скульптурных позах. Гитлер улыбался. Гитлер смотрел сурово. Гитлер склонялся к страждущей толпе с видом ментора. Монстр. Убийца.

Николай оглядел помещение. Сжечь бы все это к чертовой матери!.. Но огня нет, только краска под рукой – вязкая,

холодная. Чего-чего, а краски тут было достаточно. Молот обо всем позаботился.

Прошлой осенью Молот пытал его несколько недель, а потом стал дробить ему пальцы – один за другим. Он бил молотком с отяжкой, умудряясь расплющить только один палец, не задевая остальные. Так можно было пытаться дольше. И когда Николай понял, что, если это не остановить, он никогда больше не сможет держать в руках кисти. И он сдался. В конце концов изобразить фюрера на холсте – это не самое большое предательство.

Рука до сих пор не зажила и болит, болит. И уже непонятно, краска это на грязных бинтах или же кровь.

Взгляд его упал на изображение святого. Эскиз Фрески. Святой глядел на Николая просто и строго.

Николай сгреб кисти, в последний раз оглядел мастерскую и разбил лампочку. Теперь бежать!

* * *

Лагерь военнопленных раскинулся на склоне холма посреди негустого леса. Его возводили сами заключенные на месте заводика для горных разработок. К тяжелым воротам вела разбитая дорога. Ощерившаяся колючей проволокой охранная башня высилась у входа. Рядом стоял домик для офицеров.

Баракы же располагались аккуратными рядами, стекая

вниз по склону к горной разработке, и заканчивались у самой скалы. Вдоль скалы тянулась узкоколейка, по которой заключенные толкали небольшие тяжелые вагонетки с рудой. Некоторые заключенные умирали прямо здесь, падая на шпалы.

По периметру лагеря выстроили забор в несколько рядов. Прозрачный и непреодолимый. Вышки с прожекторами стояли по углам забора, еще несколько были вделаны в сам забор – на расстоянии друг от друга.

Мышь не проскользнет.

Николай поддел дровком кисти тяжелый засов, который по приказу Молота навешивали на ночь на дверь мастерской.

«А если мне надо будет выйти?» – спокойно, но с издевкой в голосе поинтересовался Николай.

«Потерпишь», – улыбнулся Молот.

«А если барак загорится?»

«Сгоришь», – был невозмутимый ответ.

Николай уже несколько недель по миллиметру расширял щель в предбаннике мастерской, чтобы в нее можно было просунуть кисть. Самое главное – чтобы его манипуляции не были замечены охраной. Тогда прощай, свобода. Прощай, жизнь. Надо было соблюдать осторожность.

Ему не хватило пары недель. Щель все еще была мала.

Но теперь выбора не было. Бежать!

Николай уже пробовал бежать дважды.

В первый раз – когда после контузии очнулся в плену. Его

поймали, отбили все внутренности. Били лениво, но сильно. Потом истекающего кровью поставили в общий строй таких же, как и он сам, военнопленных. И отправили на запад. Те, кто шел справа и слева, поддерживали Николая, чтобы он не упал. Упадешь – пристрелят на месте.

Во второй раз Николай пытался бежать уже из лагеря. Его взяли, когда он делал подкоп под колючую проволоку. Карцер. Выбитые зубы.

И тут появился Молот. Он прознал, что в карцере сидит какой-то русский художник, который должен умереть. Молот, как потом передали Николаю заключенные, очень заинтересовался, услышав это слово – «художник». И пожелал увидеть Николая лично.

Так начался новый этап в жизни Николая – благополучный, как казалось со стороны, но такой проклятый. Больше не надо было таскать вагонетки с рудой, но надо было рисовать гордых арийцев для городских плакатов и, что самое отвратительное, надо было рисовать фюрера.

Рисовать – или умереть.

Николай был готов к смерти, но Молот оказался тонким психологом. В один день он вдруг предложил сделку: в распоряжении художника будет собственная мастерская и даже немного свободного времени. Дополнительная миска супа.

А главное – главное! – Николай получит возможность исполнить свою мечту.

«В перерывах ты сможешь заняться важным делом, – ска-

зал Молот. – Ты ведь хочешь нарисовать фреску?»

Он пристально, не мигая, поглядел Николаю в глаза. Тот молчал.

Молот улыбнулся. Он понял, что выиграл.

Кто бы смог отказаться?!

А теперь фреска создана. Хоть и разрушена наполовину от этих бомбежек американской авиации, которые начались пару месяцев назад. Молот даже привез Николая в храм, чтобы тот занялся реставрацией. Но тут опять начались бомбежки, и про фреску на время забыли.

А Молот стал настаивать, чтобы художник побыстрее закончил плакаты, это важно для поддержания духа. И запер Николая в бараке-мастерской.

Николай выглянул в зарешеченное окно.

В этих местах непогода – нередкое явление, но такого ливня Николай давно не видел.

Ночь была черна, косые струи дождя хлестали наотмашь. Фонари на столбах метались из стороны в сторону, их испуганный мутный свет выхватывал из темноты грязные стены барачков, разбитые колеи внутренних дорог и дрожащую на ветру колючую проволоку ограждений.

Охранники вымокли насквозь и потому прятались в теплых каптерках. Только несколько скрюченных фигур – то ли самые добросовестные, то ли самые упрямые – бродили вдоль барачков, подбрасывая на плече сползающие винтовки.

Самое время попробовать выбраться наружу. Если наутро

его застанут здесь, в мастерской, то при виде разора, который учинил Николай, его убьют. Надо сбросить засов с двери.

Николай сломал несколько кистей и уже было подумал, что его затея на сегодня провалилась, когда наконец удалось поддеть засов деревянным концом кисти.

Засов сорвался с держателей и шлепнулся наземь. Дверь отворилась.

Николай перевел дух, прислушался. Собрался с силами и выскользнул наружу.

Прямо, теперь направо. Теперь еще тридцать шагов до открытого места. Потом надо пересечь его – как можно быстрее, пока не увидели часовые.

Николай шел навстречу звукам патефона. Можно было бы подумать, что он безумец, если не понимать всю точность и безошибочность его плана.

Если идти задворками, то непременно напорешься на охрану. Задворки охранялись тщательнее. А эта часть лагеря, которая, казалось, у всех на виду, – нет.

Путь пролегал мимо офицерской столовой, где вечерами надсмотрщики делились свежими новостями, пили пиво и иногда играли в карты. На крыльце всегда толпились люди. Но не сегодня. Сегодня даже сторожевые овчарки оставались на псарне: их невозможно было выгнать наружу. Грозные, сильные животные жались по углам, вздрагивая и испуганно скуля от раскатов грома.

Николай по-пластунски прополз под окном, из-за которо-

го раздавались голоса и смех. Осторожно заглянул внутрь. Черный, весь в грязи, он был невидим для тех, кто находился внутри.

Его не заметили. Он застыл и не мог оторваться от зрелища этой простой офицерской вечеринки.

Странно и почти неправдоподобно было обнаружить улыбки на губах тех, кого до этого момента Николай видел лишь каменными монстрами. Их команды были похожи на лязганье затворов. Их окрики били наотмашь. Да и сами они нередко лупили заключенных почему зря. А вот теперь они смеялись. Оказывается, они тоже люди и они живые.

Полыхнула молния. Чужое лицо – совсем рядом, в нескольких сантиметрах – глянуло на него из-за стекла. Обтянутый кожей череп, глубокие морщины, впалые глазницы. Огромные измученные глаза.

Николай отшатнулся и лишь затем осознал, кого он увидел. Это был он сам. Его отражение. Невозможно поверить. А ведь еще не старик, только двадцать четыре.

Николай свернул за угол, пересек широкую внутреннюю улицу и прижался к стене барака.

Вдруг он услышал шаги – неторопливые, тяжелые. Кто-то приближался к нему из-за угла. Охранник!

Николай попятился было назад, но тут стукнула дверь и на крыльцо вывалились два надзирателя. Они гортанно хохотали, не подозревая, что здесь же, рядом, в нескольких шагах от них, притаился беглец.

Он огляделся по сторонам. Под рукой – ничего, а в руке – только кисти, целый букет. Единственное, что он забрал из своей клетки. Единственное, чем можно дорожить в этом обезумевшем мире.

Николай медленно извлек самую толстую кисть, ощупал ее деревянный конец. Острый. Уж если умирать, то не просто так. Сначала надо воткнуть это деревянное шило в горло охраннику. И поглубже.

Он сжал кисть, будто кинжал. Шаги надвигались.

Николай ждал, усмиряя дыхание. Тело его колотилось, но не от холода и ливня, хотя холод и вправду был пронизывающим, а от наэлектризованного возбуждения.

Из-за угла появился охранник – массивный, высокий. Медленно огляделся по сторонам, не догадываясь о том, что за перегородкой, поддерживающей край крыши и выдвинутой из стены на метр, укрылся человек.

С крыльца закричали, замахали руками.

Охранник фыркнул и пошел на крики. Сапоги его чавкали, плащ блестел от дождя. Николай почувствовал ударивший в лицо дым крепкой сигареты.

Если бы молния вспыхнула на несколько секунд раньше, то она высветила бы укрывшегося в щели беглеца прямо перед охранником. Но молния полыхнула позже и озарила уже удаляющуюся спину.

Николай скользнул за дом и вскоре оказался у колючей проволоки.

Он знал это место. После таяния снегов вода пробила здесь довольно широкое русло, и лагерные надзиратели несколько дней назад привели сюда с дюжину заключенных, чтобы те насыпали и утрамбовали землю.

Один из них, худосочный доходяга Степан, шепнул Николаю, что в этом месте землю можно будет разгрести голыми руками.

– Бежим, – сказал Николай.

– Так ведь некуда, – обреченно произнес Степан. – Кругом Германия. Немцы.

Но Николай уже точно знал, что сбежит. И знал, что Бог любит троицу. Эта попытка – третья по счету – обязательно получится. Все будет хорошо.

Распластавшись под колючей проволокой, Николай принялся выгребать жижу кистями. Жижа булькала, вытекала сквозь пальцы, не поддавалась.

Лес был совсем рядом – за забором, в нескольких метрах. Рукой подать.

В этот момент вдруг оживились часовые на башнях, будто кто-то подал команду. Огромные прожектора, установленные так, чтобы при необходимости осветить сразу все пространство лагеря, принялись скользить по баракам, по пустырям, высвечивать проволочные заграждения. Видимо, охранники решили немного размяться на холоде и взялись за свои огромные осветительные приборы.

Лучи прожекторов подкрадывались все ближе. Несколько

прошли мимо, но один надвигался точно на Николая.

Из последних сил Николай выкапывал русло под проволокой, боясь оглянуться, но чувствуя боковым зрением, как предательски начинает светлеть пространство вокруг.

Он нырнул под проволоку и успел скатиться в канаву за забором, в этот момент все вокруг озарилось ослепительным светом, стало почти белым.

Николай лежал не шевелясь, уткнувшись лицом в грязь. Он ждал. Он пытался усмирить свое хриплое дыхание, учадившееся из-за бега и трудной – в его нынешнем физическом состоянии – работы. Дождь барабанил по затылку, дрожала на ветру проволока.

Потом все разом потемнело. Луч ушел в глубину, к дальнему углу ограждения. Опасность миновала.

Николай приподнялся и пополз к лесу.

* * *

Куда он шел? Он и сам не знал.

Он двигался по негустому пролеску, понимая, что попытка, хоть и удалась, была напрасной. И все равно испытывая яркий, почти детский восторг. Если бы он мог, он бы взмахнул руками и взлетел. Хоть на мгновение – просто для того, чтобы ощутить забытый вкус свободы.

Если повезет, выйдет к какой-нибудь деревне и узнает путь на восток. Простые немцы не ненавидели советских,

иногда даже помогали – Николай слышал о таком.

Если идти на восток, обходя крупные города и прячась, можно дойти до фронта. Это будет чудо, но чудеса ведь случаются.

Если дойти до фронта и пересечь его, то окажешься у своих. Эта мысль сейчас не казалась Николаю столь уж абсурдной и несбыточной.

Просто надо идти. Дорогу осилит идущий.

За хриплым своим сбивающимся дыханием и за своими думами Николай не сразу услышал, как что-то совсем рядом взревело и выкатилось на опушку – огромное, гремящее, ударившее в лицо фарами.

Николай развернулся и бросился было прочь, но оступился: силы покинули его, и он плашмя рухнул в дорожную яму, до краев наполненную водой.

Из старого грузовика вышел человек в капюшоне. Один глаз его был закрыт черной тряпицей. Человек осторожно подошел к Николаю и склонился над лежащим. Потом носком сапога ткнул изуродованную, в грязных бинтах, руку с зажатыми в ней кистями.

Но Николай уже ничего не почувствовал.

2. Волгин

Б

ерлин лежал перед ним как на ладони. Он был похож на макет, которые Игорь рассматривал в музее в детстве. И брат Кольку водил, чтобы тот тоже посмотрел. Благо музей был

в трех кварталах от дома.

Колька в детстве был рассеянным и часто уходил в фантазии, он никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Одно слово – мечтатель.

Но когда Колька видел макеты или какие-нибудь интересные предметы, его будто подменяли. Он становился покладистым и увлеченным. У него загорались глаза.

Волгину нравилось такое состояние брата. В эти минуты им было легче управлять. Не в плохом смысле – но должен же младший брат слушаться старшего. И Волгин с детства пытался добиться этого.

Колька слушался Волгина только в музеях. Уставится на картину и оторваться не может. Встанет у макета какого-нибудь старинного поместья и стоит как вкопанный.

Наверняка и сейчас застыл бы соляным столбом.

Отсюда, с высоты шестого, что ли, этажа (Волгин так трудно добирался наверх по разрушенным лестницам, что даже не взял на себя труд сосчитать, сколько в здании этажей) можно было разглядеть город во всех деталях. Вот только мешал дым пожарищ, который скрывал отдельные кварталы.

Невозможно было поверить, что это и есть столица гитлеровского рейха. Четыре года – с того самого дня, как фашистские войска вторглись на территорию СССР, с двадцать второго июня, – с этой самой даты не было в стране человека, который не мечтал бы о том времени, когда нацисты будут отброшены назад и когда падет Берлин.

Позади были страшные бои на самых подступах к Москве. Позади был Сталинград, где гитлеровским полчищам переломили хребет, а вместе с тем и ход всей Великой Отечественной. Позади была Курская дуга и освобождение половины Европы от «коричневой чумы» – так стали называть фашизм и все, что с ним связано.

И теперь каждый понимал, что этой страшной войне близится конец. И каждый понимал, что война закончится, когда падет Берлин.

И вот Волгин смотрел на Берлин, распростершийся у его ног. Смотрел и не мог поверить, что он здесь.

Однако же карта, которую Волгин расстелил перед собой, неуклонно свидетельствовала: там, впереди, в нескольких кварталах отсюда, – рейхсканцелярия, где скрываются главари нацистской Германии.

Волгин вскинул бинокль и еще раз всмотрелся в здания напротив.

От рейхсканцелярии его отделяли какие-то сотни метров, но разглядеть саму рейхсканцелярию с этой точки было невозможно: ее укрывал остов полуразбитой и все еще дымившейся крыши.

Волгин досадливо поморщился: эх, неудачную позицию выбрал. Но деваться было некуда, оставалось довольствоваться тем, что есть.

Волгин еще раз сверился с картой, сделал пару пометок химическим карандашом и, подхватив автомат, двинулся

вниз по лестнице.

Плащ-палатка, как скошенное крыло, колыхалась за спиной.

Волгин был высок, широкоплеч, ладно скроен, в его фигуре и повадках ощущалась грация сильного молодого зверя. Возможно, его нельзя было назвать красивым в привычном смысле, однако нельзя было не признать, что он по-своему привлекателен: на чумазом от копоти лице блестели огромные глаза, жестко срезанные скулы свидетельствовали о сильном характере, трехдневная щетина очерчивала сильный подбородок.

У подъезда, укрывшись среди руин, его ждал небольшой отряд. Молодые, но уже опытные бойцы.

Курносый Юра Павлов, самый нетерпеливый из всех, радостно заулыбался. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Волгин остановил его жестом.

– Значит, так, – сказал Волгин, расстелив перед солдатами карту и ткнув пальцем в пометки, – мы сейчас здесь, а рейхсканцелярия вот здесь. Движемся к зданию имперской безопасности. Вот по этой улице.

Он ногтем прочертил путь на карте, затем махнул рукой в указанном направлении.

Бойцы понимающе переглянулись.

– А хорошо бы фюрера взять, а, товарищ капитан? – вдруг выпалил Павлов. – Я обещал.

– Кому ты обещал?

– Маме!

Все так и прыснули.

Волгин взглянул на Павлова и сердито сдвинул брови, пытаясь не рассмеяться вместе с остальными.

– Значит, так, рядовой. Ты солдат или как?

– Солдат! – осветился улыбкой Павлов.

На вид ему никак нельзя было дать больше семнадцати, хотя, конечно, он был постарше. Из-под пилотки задорно выбивался непокорный чуб, по-детски ярко проступали веснушки на закопченном лице.

«Ребенок, – подумал Волгин и обвел глазами отряд. – Все они еще дети...»

Сказал же он следующее:

– Давай без самодеятельности, Павлов. Наша задача – быть в этой точке до авиаудара, – обратился Волгин уже ко всем. – По пути освобождаем территорию от окопавшихся фрицев. Тут на каждом шагу можно столкнуться с неприятелем. Будьте бдительны!

Последние слова были отнюдь не лишними. Берлин, казалось, опустел после первых мощных бомбардировок, и это могло породить ощущение, что опасности нет.

Но опасность подстерегала повсюду. И особая опасность таилась в этом ощущении мнимой безопасности. Тут можно наделать больших ошибок. А ошибка на войне – любая ошибка, даже самая маленькая – может стоить жизни. И не только твоей.

Простые пацаны, опьяневшие от мысли, что они уже в Берлине, что войне вот-вот конец, а еще можно просто так, голыми руками, взять самого фюрера, казалось, потеряли чувство контроля, и это очень беспокоило Волгина.

Тот же Павлов – он ведь, несмотря на молодость, был уже опытным бойцом. Прошел огонь и воду. А вот, поди ж ты, вдруг про мамку вспомнил и по-детски почувствовал себя так, будто ему все под силу.

Волгин вновь бросил суровый взгляд на Павлова.

– А что, товарищ капитан? – виновато насупился тот. – Берлин, считай, взяли. И фюрера возьмем.

– Возьмем.

Павлов вдруг извлек из кармана гимнастерки сложенный треугольником лист бумаги и шепнул:

– Не успел отправить. Это матери... Если что.

Он собирался сказать что-то еще, но Волгин, который суеверно не любил подобные разговоры перед заданием, перебил:

– Вернемся – отправишь, – он вновь махнул рукой в указанном направлении. – Вперед!

Павлов кивнул и, подхватив автомат, двинулся за остальными.

Миновали площадь, усыпанную обломками. Свернули на широкую улицу.

Отряд двигался вдоль стены. Волгин оглядывался по сторонам, пытаясь обнаружить, где могла притаиться опасность.

Вдруг он замер. Замерли и остальные – мгновенно, не дожидаясь команды.

Волгин показал на угол здания. Затем жестом объяснил: угол надо обойти. С обеих сторон. Солдаты беззвучно рассыпались по руинам.

Волгин и сам не знал, почему он остановился. Ничего подозрительного в этом здании не было. Справа и слева высились такие же.

Интуиция. За три года на фронте он научился доверять ей.

Он дождался, пока отряд взял в клещи руины, и первый перемахнул через обвалившуюся стену.

Интуиция его не обманула. Под проломленной стеной, наклоненной к другой и образовавшей нечто вроде укрытия, сидели четверо немцев.

– Хенде хох! – крикнул Волгин и швырнул для убедительности в сторону гранату.

Граната разорвалась, никого не задев.

Солдаты скрутили растерянных фрицев и мгновенно обезоружили. Павлов сорвал с немцев погоны. Волгин приказал вести их в расположение части: там разберутся.

И в этот момент раздался выстрел. Он прозвучал откуда-то сверху, и молоденький Титов, безусый парнишка, который так сильно переживал отсутствие растительности на лице, что отыскивал однажды в развалинах добротную немецкую бритву и каждый день скоблил верхнюю губу и щеки в

надежде, что щетина наконец-то проклюнется, этот самый Титов, вставший в проеме стены, мешком повалился наземь.

Волгин отчаянно махнул своим, те залегли. Ничего не понимающие немцы, сбитые с ног и распластавшиеся на кирпичках, испуганно вертели головами.

Волгин прополз по-пластунски к стене, достал из нагрудного кармана осколок зеркала, бережно завернутый в тряпицу. Вложил его в ладонь и высунул руку наружу.

Зеркало отразило пустую улицу, дымящиеся руины.

С помощью зеркала Волгин изучал окна дома напротив, откуда, по его предположению, мог раздаться выстрел. Выбитые, без рам окна были пусты и безмолвны. Кладбище, а не дом.

Наконец Волгин заметил легкое движение на уровне четвертого этажа. Мимолетное. Но Волгин уже знал: именно за этим окном притаился снайпер.

– Ждите здесь! – кратко распорядился Волгин и исчез в развалинах.

Если исходить из устава, это было нарушение. Командир группы не должен подвергать свою жизнь опасности. Надо было послать кого-нибудь из солдат.

Однако Волгин понимал, что с этим делом способен справиться только он один. Другие просто сложат головы. А мальчишкам погибать в последние дни войны – как вот этому безусому Титову – никуда не годится.

Волгин, будто кошка, неслышно взлетел по полуразвалив-

шейся лестнице на третий этаж, стараясь, чтобы под подошвами не скрипели отколовшиеся от стен камешки и песок.

На лестничной площадке третьего этажа зиял огромный пролом. Волгин преодолел его, уцепившись за скрученные перила.

Вскинув пистолет на изготовку, он пошел вдоль одинаковых, сильно покоруженных, местами выбитых дверей.

Старинный дом был пуст. Он сильно пострадал после бомбежек и артобстрелов, однако устоял.

Снаружи доносились звуки канонады, свист и грохот, но внутри царила напряженная тишина.

Волгин примерно представлял себе, где должно находиться окно, за которым он увидел легкое движение, однако здание было массивным, большим, со множеством помещений. В которое из них необходимо было ткнуться, чтобы убрать снайпера, – непонятно. А попытка была только одна.

Волгин закрыл глаза на несколько мгновений и прислушался. Это был привычный уже ритуал. Сторонние звуки Волгина не интересовали. Он прислушивался к себе, к своим ощущениям.

«Если бы я хотел выбрать самое удобное место для обстрела, какое бы я выбрал?»

Он открыл глаза и огляделся. Взгляд упал на небольшую дверку, самую неприметную. А за ней наверняка самое неудобное помещение. Но именно такое и надо высматривать в подобных случаях.

Если Волгин охотится на профессионала – а сомневаться в этом не приходилось, – то надо думать и действовать, как действует профессионал. А значит, четко и парадоксально.

Поэтому Волгин направился к этой неприметной дверке. Он остановился на пороге и заглянул внутрь.

Помещение было наполовину рассечено обрушившейся стеной, окон не разглядеть. На полу валялась огромная уродливая люстра с тяжелыми рожками. Повсюду стояли стеллажи, сейчас большинство из них были опрокинуты, а бумаги разлетелись по полу. Сбоку виднелось полуразбитое зеркало.

В отражении он увидел окно, а возле окна – человеческую фигуру.

Волгин сделал шаг – фигура в отражении тут же зашевелилась, обернулась, – Волгин едва успел спрятаться за проемом двери.

К счастью, фриц ничего не заметил. Через несколько мгновений он вернулся к прежнему занятию: он пересчитывал патроны – было слышно, как позвякивают гильзы.

Пистолетным выстрелом снайпера не достать. Волгин коснулся сумки с гранатами на поясе и вспомнил, что израсходовал последнюю, когда спугнул гитлеровцев в укрытии.

Снайпер между тем завозился с винтовкой, выругался себе под нос и стих. Молодец, опытный. Он выбрал самую правильную позицию. Бесшумно, на расстояние пистолетного выстрела не подойти.

Волгин огляделся по сторонам. Взгляд его упал на металлическую болванку под ногами, осколок люстры.

Он поднял осколок. В зеркале он был теперь виден во весь рост.

Снайпер спиной почувствовал движение. Он и вправду был профессионалом. Резким движением он развернулся в сторону входа и выстрелил.

Волгин метнулся вбок и, обозначив, что вырывает чеку, швырнул металлическую болванку в сторону снайпера.

Расчет оказался верный. Увидав в воздухе металлический предмет, снайпер прыгнул в противоположную сторону. Туда, где его и встретил Волгин.

Выстрел. Пуля пробила сердце и, вылетев наружу, вошла в стену, разметав мелкие осколки штукатурки.

Волгин заглянул внутрь. Да, он не ошибся: снайпер был настоящий профессионал. Гнездовье было обустроено по высшему разряду. Лучшая снайперская винтовка. Снаряжение. Патроны.

Впрочем, патронов оставалось немного. Вот почему снайпер нервничал.

Тяжелый гул раздался сверху, стены завибрировали. Обещанный авиаудар начался секунда в секунду.

Волгин метнулся к выходу, одним прыжком перемахнул пролом и кубарем скатился вниз по лестнице.

Едва он выбежал из подъезда, противоположная дверь черного хода отворилась, и на пороге возник щуплый маль-

чишка. На нем был старый пиджак, огромный, чуть ли не дважды обернутый вокруг худого тела и подпоясанный армейским ремнем; с этим пиджаком совершенно не вязались короткие мальчишеские шорты, из-под которых выглядывали острые побитые колени.

Через плечо мальчишки была переброшена пулеметная лента, а в руках гремели два металлических короба.

Мальчишка был смешной и нелепый, похожий на кузнечика-переростка.

Вокруг уже грохотало, за стенами дома вздымалась к небу земля.

Мальчишка осторожно заглянул в подъезд, проверяя, нет ли кого, затем, удостоверившись, что путь открыт, помчался вверх по лестнице, на лице его отразились страх и удаль.

Взбегая на третий этаж, он задержался, перекладывая короба в одну руку. Затем проворно, будто обезьянка, перебрался по скрюченным перилам над провалом и направился к неприметной двери.

Он влетел в комнатку с криком:

– Я принес!

И увидел распростертое тело. Короба выпали из рук, крышки открылись, патроны со звоном рассыпались по полу.

Мальчишка бросился к снайперу, обхватил руками, затряс безжизненное тело и закричал:

– Папа! Папа!

Но этого отчаянного, надрывного крика уже не было

слышно. Был слышен только вой бомб и взрывы повсюду.

Самолеты шли низко, отбрасывая на ободранные стены зданий угольные тени. Вдалеке строчили зенитки.

Тем временем Волгин скомандовал отряду:

– Отходим!

– А рейхсканцелярия? – перекрикивая грохот, спросил Павлов.

– Отходим, я сказал! В укрытие!

Он указал на полузасыпанные обломками ступени, уводящие в подземный каземат – то ли переход, то ли вход в метро.

Рядом, ухнув, повалился дом. В воздух взметнулся густой столб пыли и пепла.

Солдаты подняли с земли оглохших немцев и стали толкать их за собой. Немцы не понимали, что происходит, и только с ужасом приседали при каждом новом разрыве.

Павлов замыкал кавалькаду.

И тут в общем металлическом и каменном вое и реве он разобрал какой-то новый, живой звук.

Павлов оглянулся и увидел, как из недр рухнувшего дома, из задымленного подвала выбираются человеческие фигуры. Их было трое. Молодая всклокоченная женщина и двое детей – мальчик и девочка. Дети были совсем маленькие, не больше шести-семи лет.

Мать толкала их перед собой из ямы, а следом пыталась вытащить наружу пару набитых чемоданов. Чемоданы, в отличие от детей, были тяжелыми и все время съезжали в во-

ронку.

Вокруг все пылало, черная пелена заволакивала пространство.

Дети кричали, женщина страшно ругалась на них и при этом плакала.

...Волгин у входа в подземный переход пересчитал бойцов. Были все, и еще четверо пленных немцев, вот только... Одного не хватало.

Он осмотрелся.

– Где Павлов? Павлов!

Солдаты растерянно переглядывались между собой.

Волгин помедлил мгновение и метнулся назад – в черное пространство, которое уже полностью затянуло дымом. Повсюду крутились, извивались багровые языки огня.

В этом непроглядном мареве Волгин сначала услышал отчаянные крики, а потом, двинувшись на звук, увидел Павлова, который волок на себе девочку и обезумевшую женщину. Рядом, ухватившись за ручку чемодана и спотыкаясь, спешил растерянный мальчик.

Женщина отбивалась от Павлова, а тот изо всех сил старался ее утихомирить. Рядом, совсем близко, разорвался снаряд; женщина завизжала еще громче.

– Уймись, дура! – незлобиво прикрикнул на нее Павлов. – Детей напугаешь!

Волгин схватил в охапку детей; женщина замахнулась на него своей поклажей. Чемодан распахнул свой огромный зев,

вещи рассыпались по земле. Женщина вновь разрыдалась.

– За мной! – скомандовал Волгин по-немецки.

Он двигался в дыму почти на ощупь. Казалось, среди бела дня наступила кромешная ночь. Земля сотрясалась от взрывов и стонала.

Волгин закрутился на месте, но внезапный порыв ветра будто раздвинул занавес, и все пятеро очутились на открытом месте посреди расступившейся дымовой завесы. До лестницы в подземный переход, откуда выглядывали свои, оставались считанные метры.

– Давай! – Волгин втокнул в убежище детей. Павлов тем временем пытался совладать с сопротивляющейся женщиной. Она продолжала отбиваться чемоданами, роняя на ходу свою поклажу.

Волгин бросился на подмогу. Вдвоем они дотащили ее до входа.

– Ложки! Ложки! – завопила женщина на немецком.

Павлов развернулся и принялся собирать со ступеней рассыпавшиеся столовые приборы.

– Да вот твои ложки, успокойся! – он протянул женщине блеснувшую на солнце утварь и вдруг замер. Помедлив мгновение, сначала осел, потом скатился вниз по ступеням к подножию лестницы. Ложки запрыгали следом.

Все произошло так стремительно, что никто и охнуть не успел. Только женщина враз смолкла, уставившись на распростершееся на земле тело.

Волгин подскочил к бойцу, подхватил его под шею:

– Павлов! Юра!..

Голова Павлова моталась из стороны в сторону. В виске виделось кровавое отверстие.

Волгин осторожно положил бойца на камни и прикрыл плащ-палаткой. Потом поднял голову, огляделся по сторонам.

– Откуда стреляли? – глухо спросил он.

– Кажись, оттуда же, – растерянно ответил один из солдат. – Из того же окна...

– Оставайтесь здесь, – распорядился Волгин.

Он схватил автомат и помчался к дому. Он бежал по открытому пространству, вокруг продолжался рев и вой, земля вставала на дыбы. Но Волгин будто не видел этого. Он перемахивал пролет за пролетом через три ступени и в прыжке перелетел разлом на третьем этаже, даже не притормозив.

Он ворвался в комнату, выпустил очередь и лишь затем в осколках зеркала увидел у окна силуэт.

Он метнулся к этому силуэту, рывком поднял его и прижал к стене – снайперская винтовка отлетела в угол; он приставил к груди автомат, нащупал пальцем курок и лишь в этот момент увидел, что перед ним подросток, почти ребенок.

Мальчишка глядел на него заплаканными глазами, испуганный и злой. Губы его тряслись. Рыжеватый чуб был похож на чуб Павлова, такой же закопченный и непокорный.

Волгин шагнул назад, опуская автомат. Мальчишка сполз по стене на землю.

– Что ж ты наделал-то, а? – проговорил Волгин. Будто сам себе проговорил.

Мальчишка глядел на него снизу вверх и не понимал, что случилось.

Волгин посмотрел в окно, и ему показалось, что среди дыма он увидел птиц. Откуда здесь, в пылающем Берлине, было взяться сейчас голубям?

Но голуби летели – целая стая, взмывали все выше и выше, разгоняя крыльями дым. А за дымом было небо.

3. Это горькое слово – победа

Берлин – огромный, бескрайний город, который еще несколько дней назад пылал и корчился в последних конвульсиях страшной войны, – теперь был тих и почти безжизнен. По улицам неспешно бродили жители, собирая на развалинах сохранившийся скарб. Бои закончились, пора было думать о мирной жизни. Издалека неслась музыка, играл патефон.

Репродуктор со столба докладывал, что на отдельных участках фронта все еще происходят столкновения с недобитыми гитлеровскими подразделениями, но советские войска вкупе с союзниками скоро погасят последние очаги сопротивления.

Волгин сидел на груди битого кирпича и покусывал карандаш. На колене лежал планшет, на планшете – письмо Павлова матери, которое Волгин извлек из кармана рядового. Поверх письма лежал клочок бумаги с криво написанной датой – 5 мая 1945 года. Это было единственное, что смог пока написать Волгин.

«Уважаемая Мария Петровна, пишет Вам капитан Игорь Волгин, командир Вашего сына Юры», – начал он и вновь задумался.

На земле уже валялись несколько скомканных листков. Волгин поднял один из них и прочел:

«Уважаемая Мария Петровна, Ваш сын и мой товарищ рядовой Юра Павлов погиб смертью храбрых, героически спасая во время бомбежки немецкую семью. Он вытащил из-под огня женщину и двух маленьких детей, но сам пал от пули фашистского отродья. Я понимаю и разделяю ваше горе...»

Волгин поморщился. Перед лицом настоящей человеческой беды слова кажутся нелепыми и ненужными.

Павлов когда-то рассказывал, что остался у матери один: старший брат погиб в Финскую, а отец сгорел в танке под Новороссийском.

Улыбаясь своей открытой мальчишеской улыбкой, Павлов похвалялся, что подал документы в военкомат, не дожидаясь, пока ему стукнет восемнадцать. Мать, простая акушерка, горько плакала, узнав об этом. Но делать было нечего. Она провожала сына на вокзал и просила только об одном: чтобы он вернулся живым.

Волгин достал еще один листок.

«Дорогая Мария Петровна», – вновь начал он. Раздалось тяжелое шарканье по мостовой. Волгин оглянулся.

Мимо двигалась колонна пленных гитлеровцев. Побитые, с сорванными погонами; кто с кровоподтеками на лице, кто с забинтованной рукой, кто прихрамывающий. Кого-то, кто не мог идти сам, придерживали товарищи.

По обе стороны колонны двигались охранники в советской форме.

Гитлеровцы шли, опустив глаза. А прохожие, остановившись, глядели на них. И Волгин глядел.

Странное дело, в этот момент он не испытывал ярости или злости, а только усталость. И еще раздражение от того, что вот из-за этих людей он пишет и никак не может написать письмо матери погибшего солдата, никак не может подобрать нужные слова, да и есть ли такие слова? Все это – и недописанное письмо на коленке, и разрушенный Берлин, и горе, разлитое по всей земле, – из-за них и из-за миллионов таких же, как они. За что они сражались? Ради чего? Что принесла им эта война?

А пленные все шли и шли, и казалось, нет им конца. И никто из них не решался взглянуть на своих соотечественников, что стояли по обочинам дороги и молча провожали их взглядами.

Тяжелая поступь сотен ног отдавалась эхом среди полуразрушенных зданий. Мрачная музыка проигранной войны.

– Эх вы, – сказала вдруг старушка в порванном пальто и плюнула на землю.

– Товарищ капитан!.. – пробежавший мимо бравый лейтенант остановился перед Волгиным. Он задыхался от бега и волнения и не с первого раза смог выговорить: – Товарищ капитан, Гитлера нашли!

Волгин даже не сразу понял, о чем речь. А когда понял, не поверил своим ушам.

Он запихнул бумаги в планшет и рванул за лейтенантом.

Навстречу им катили машины. У разбитого особняка стояла полевая кухня, к ней тянулась огромная очередь гражданских с кастрюлями и котелками. Усатый солдат черпал половником кашу и наполнял кастрюли доверху. Несколько голодных детишек ломали краюху хлеба, которую им протянул повар, и жадно ели, усевшись на сгоревшую самоходку.

Лейтенант махал Волгину на бегу: не отставайте. Они миновали несколько кварталов и свернули к зданию рейхсканцелярии.

Когда-то в ее внутреннем дворе был парк, но сейчас все было в рвах, похожих на глубокие шрамы. В глубине виднелась бетонная башня, вход в бункер фюрера.

Волгину уже доводилось побывать здесь два дня назад. В тот раз он прошелся по гулким помещениям здания – помпезного, мрачного и, как ему показалось, бесприютного. Повсюду была раскидана полусгоревшая мебель.

В бункере фюрера был отключен свет, и Волгин не стал спускаться в подземелье. Смотреть на разбросанные повсюду трупы ему не хотелось, а самого Гитлера в бункере не оказалось, об этом уже все знали.

– Вот, товарищ капитан, это там! – сообщил лейтенант, указывая на столпившихся невдалеке от металлического сооружения, на краю рва, военных. Рядом сновал фотограф. Он заглядывал в яму и торопливо щелкал затвором аппарата.

Волгин подошел.

На дне он увидел два сильно обгоревших тела, абсолютно черных, лишь небольшие розоватые участки указывали на то, что когда-то это были люди. Яма была скользкая, в ней бугрилась серовато-бурая жижа, след недавно прошедших дождей.

Советский полковник с помощью переводчика объяснял американским чинам, что трупы Гитлера и его жены обнаружили утром; свидетели показали, что фюрер и Ева Браун отравились в бункере то ли тридцатого апреля, то ли первого мая. Сразу после самоубийства трупы силами охраны были вынесены наружу, облиты бензином и сожжены. И вот теперь их нашли.

Усевшийся на краю ямы бывалый солдат закурил самокрутку и невесело усмехнулся:

– Сдрейфил, стало быть, фюрер. Убег-таки на тот свет. А это кто? Жинка его?..

– Все не уйдут, – сказал сурово полковник. – Дай-ка прикурить.

Бывалый солдат протянул кисет и гильзу, служившую самодельной зажигалкой.

– Хоть кого бы из них взять, гадов. Из этих, которые главные. За моих отомстить, – горько выдохнул солдат.

Волгин исподтишка рассматривал солдата. В солдате не было ни злости, ни ярости – только одна усталость. Так сидят рудокопы после тяжелого трудового дня.

«Как странно и как хорошо, – подумал вдруг Волгин. –

Вот этому немолодому мужику, прошедшему, должно быть, войну от начала до последнего дня, всех потерявшему, который, по всем правилам, должен был сходиться с ума от гнева и ненависти, не хочется мстить. Хочется только одного – домой. А еще чтобы справедливость восторжествовала. Только это, наверное, невозможно...»

Волгин повернулся и пошел прочь от смрадной ямы. Столько дней и ночей он ждал момента, когда все будет кончено. Он так ждал, когда завершится война. А теперь вот не испытывал ничего.

Все равно он был один. Один на огромном белом свете. Этот черный человек, чьи останки лежали сейчас в бурой жиже за зданием рейхсканцелярии, забрал у него все.

4. Пакет

Огромный холл старинного здания, чудом уцелевшего после бомбежек и артобстрелов, был озарен солнцем. Высокие старинные потолки, по углам отделанные резным деревом, забранные в чуть вылинявшую от времени материю стены, казалось, хранили память об ушедших эпохах. Сводчатые окна с наклеенными бумажными полосками были запылены; полоски не успели отодрать после войны. Из окон внутрь помещения падали огромные лучи света, играя бликами тусклого паркета.

Холл был полон. Повсюду стояли столы, нескончаемые ряды столов, заполненных бумагами и папками; за столами восседали люди в советской военной форме, а вокруг роились просители.

Просителей было очень много: и молодые, и старые. Женщины с аккуратно собранными в прическу волосами, крепкие парни на костылях или без руки, пожилые дамы с ридикулями. Кто-то плакал, раскладывая бумаги перед клерками, кто-то жестикулировал и быстро говорил на немецком; в сторонке шумно играли дети, и уставшая секретарша пыталась отыскать их родителей.

За одним из столов сидел Волгин. Он был гладко выбрит и аккуратно подстрижен. Можно было сказать, что теперь, без сажи и копоти на лице, он выглядит даже хорошо, если

бы не странное выражение потухших глаз.

Волгин внимательно слушал сидящего напротив старичка, напялившего на нос две пары очков и то и дело поддерживавшего соскальзывающие оправы скрюченными от артрита пальцами. У старичка были реденькие волосы, заискивающая улыбка и повадка бухгалтера.

– Это очень хорошо, что вы такой внимательный молодой человек, – говорил старичок, – вы понимаете немецкий, да?

– Я понимаю, – подтвердил Волгин. – И говорю.

– У вас отличный немецкий, вы в школе учили?

– В институте. Я переводчик по профессии.

– Это очень хорошо. Тогда вы должны мне помочь. Обязательно!

– Я пытаюсь, – сказал Волгин.

– Я полезный сотрудник, мне нужна работа.

Волгин тяжело вздохнул:

– Вам уже сообщили: вопросами трудоустройства занимается биржа труда, а здесь военная комендатура...

– Совершенно правильно! – согласился старичок. – Здесь власть! А биржа труда – это тьфу. Сегодня в Берлине все вопросы решаются в военной комендатуре. Если надо, вы мне скажите, к кому я еще тут могу обратиться...

– Ко мне.

– Я и обращаюсь! Напишите бумагу для биржи труда. Напишите, что я важный сотрудник и они не могут от меня отмахнуться. Вы – власть, они вас услышат!..

Волгин схватил перо и стал писать на листе бумаги.

– Вот и правильно, – оживился старичок, – вы им все, как надо, напишите!

– Идемте, – распорядился Волгин.

Широким шагом он пошел по залу, паркет жалобно поскрипывал под его до блеска надраенными сапогами. Старичок припустил следом, сжимая в руках потрепанный портфель.

– Вы все правильно написали?

Волгин заглянул за перегородку, где трещали пулеметными очередями пишущие машинки. Несколько машинисток немедленно уставились на него, в их глазах вспыхнул интерес.

– Надо напечатать, – сказал Волгин, покрутив в воздухе бумагой.

– Сюда, – позвала хорошенькая машинистка и улыбнулась Волгину ярко-красными, в помаде, губами.

Волгин положил перед ней лист.

– Вы опять со мной вчера не поздоровались, товарищ капитан, – сказала машинистка. – И сегодня тоже.

– Добрый день, – невозмутимо ответил Волгин. – Напечатайте, пожалуйста, в двух экземплярах...

– В двух? – со значением переспросила машинистка и посмотрела на собеседника таким взглядом, что ничего не понимающий по-русски старичок-бухгалтер, закашлявшись, опустил глаза.

Пробежавший мимо военный хлопнул Волгина по плечу:
– Вот ты где! Тебя майор вызывает.

Волгин кивнул и обернулся к машинистке:

– Напечатаете и на подпись. – Он стремительно удалился, пока машинистка не успела ничего прибавить.

– Это будет правильная бумага? – отчаянно завопил ему вслед старичок.

– Правильнее некуда! – перекрикивая дробь пишущих машинок, ответил Волгин и исчез за высокой узкой дверью.

– Разрешите, товарищ майор?..

Хозяин кабинета, майор Бабленков, седоватый, но при этом все еще моложавый и крепкий, стоял у огромного окна и глядел на распахнувшийся перед ним город. Невдалеке на обугленном куполе рейхстага реял красный флаг.

Не оборачиваясь, Бабленков помахал рукой – входи! – и глубоко затянулся «Беломором». В воздухе возник и растаял клуб белого дыма.

– Цацкаемся с ними, кашкой их кормим, – раздраженно выпалил Волгин, продолжая думать про старичка-бухгалтера, – а они что у нас натворили?..

Бабленков такому обороту не удивился.

– Они и у себя натворили, – задумчиво проговорил майор. – Ничего. Все поправится. Только время нужно...

– Я уже не верю, – признался Волгин.

– Ну, это ты зря, капитан.

– У меня после всего того, что случилось, веры в челове-

чество не осталось.

Бабленков усмехнулся и долгим внимательным взглядом посмотрел на Волгина.

– У тебя брат есть? – вдруг спросил Бабленков.

Волгин с тревогой взглянул на майора.

– Так точно. В 1942-м пропал без вести...

Майор подошел к столу и, порывшись в бумагах, извлек пухлый пакет.

– Вот. На твою полевую почту пришло. Нам переслали.

Резким движением Волгин разорвал бумагу. Из пакета вывалилась стопка разнокалиберных листков, частью исписанных, частью покрытых размашистыми рисунками.

Он начал перебирать грязные, обшарпанные листки, и его хмурое до этого лицо менялось. Он вчитывался в косые строки, и улыбка сама собой возникала на губах.

– Колька, – сказал Волгин. – Его почерк. Брат!

– Ну вот, – вновь глубоко затянулся Бабленков, – а ты говорил: один, один...

Он взглянул на подчиненного с печальным прищуром, подумав о чем-то своем.

– Это он матери пишет, не мне, – пояснил Волгин. – Смотрите, товарищ майор, сколько писем, а!..

– Главное, что пишет, – произнес майор, – главное, что живой.

Бабленков отвернулся и посмотрел в пространство.

Волгин покрутил в руках пакет. Было понятно, что посыл-

ка долго скиталась, пока наконец не оказалась здесь.

Адрес получателя был написан коряво, незнакомым почерком, а в строке «место отправления» указывалось только одно слово.

– Нюрнберг, – прочел вслух Волгин и озадаченно поднял глаза на начальника. – Это же американская зона? Там же американцы сейчас, нет?

Бабленков пожал плечами:

– Там сейчас все. И американцы, и англичане, и французы. Наши тоже есть. Про Международный военный трибунал слышал?

– Конечно, – подтвердил Волгин. Про этот город на юге Германии сейчас не слышал только глухой. – Но Колька-то что там делает?

– Он тоже переводчик?

– Никак нет.

– А чем занимался до войны?

Волгин помялся.

– Да ничем. Пытался рисовать... Художником вроде хотел стать.

– Ну, если он сейчас в Нюрнберге, то только по делам трибунала, – сказал Бабленков. – Вся гитлеровская верхушка в нюрнбергской тюрьме...

Волгин озадаченно кивнул. Об этом писали в газетах и говорили на всех перекрестках.

После того как в Берлине нашли труп фюрера, стали ис-

кать остальных. Тех, кто был виновен в этой страшной войне, тех, кто задумал ее и осуществил.

Геббельса обнаружили еще раньше, чем его бесноватого начальника. Вернее, то, что от него осталось. Министр гитлеровской пропаганды покончил с собой в бункере при рейхсканцелярии, где он отсиживался в последние дни войны вместе с Гитлером; его примеру последовала и супруга Геббельса, Магда. Перед самоубийством они собственноручно умертвили своих шестерых детей; старшей дочери было двенадцать лет, младшей не исполнилось и пяти.

Жестокий палач Гиммлер, рейхсминистр внутренних дел, чье имя наводило ужас на половину Европы, бежал, но был пойман британцами и отравился в заключении в конце мая.

А вот рейхсминистр авиации, рейхсмаршал Третьего рейха Геринг, который считался преемником Гитлера и вторым лицом после фюрера, но в последние дни войны впал в немилость и был объявлен государственным преступником, сдался сам. Он был очень удивлен, что его не удостоили подобающих почестей и отправили под арест.

Начальник Главного управления имперской безопасности СС Кальтенбруннер, один из главных организаторов Холокоста, был схвачен в горном районе близ австрийского городка Альтаусзе. Кальтенбруннер представился врачом, но был опознан бывшей подружкой.

По иронии судьбы еще один гитлеровский приспешник, рейхсляйтер Лей, руководитель Германского трудового

фронта, тоже пытался прикинуться врачом. Мертвецки пьяный, он скрывался в хижине в отдаленном лесу в Баварии. Лей настойчиво тряс фальшивыми документами и продолжал твердить заплетающимся языком, что он «доктор Эрнст Дистельмейер».

Нацистских заправил отлавливали по всей Европе.

Потом всех их доставили в Нюрнберг – город, где подымалась нацистская партия, где состоялись первые многолюдные парады со свастикой; город, в котором зародилась и начала свое страшное шествие по миру «коричневая чума» фашизма.

Здесь было решено провести показательный судебный процесс над главными нацистскими преступниками, развязавшими Вторую мировую. Поставить финальную точку там, где все начиналось.

– В Нюрнберг сейчас со всего света съезжаются для обеспечения трибунала, – продолжал Бабленков, разглядывая письма в руках Волгина. – Большой трибунал будет, международный. И это мы на нем настояли. А ведь Черчилль сначала предлагал просто расстрелять всех пленников без суда и следствия. – Майор усмехнулся и покачал головой. – Американский президент Рузвельт пошел еще дальше – сказал, что всех немцев надо кастрировать, а Германию распахать под картофельное поле.

– Читал, – коротко кивнул Волгин.

– Если твой брат в Нюрнберге, то только по делам трибу-

нала. Там люди требуются для оперативной работы. Вот и у меня приказ откомандировать человека. – Бабленков раздраженно взмахнул бумагой с крупной синей печатью. – Легко сказать: откомандировать. А где мне этих людей взять, у нас каждый человек на счету...

Волгин напрягся, как гончая, учуявшая след:

– А разрешите мне, товарищ майор!

– Чего разрешить? – не понял тот.

– В Нюрнберг.

– С чего это?!

– Так вы же говорите: люди нужны! – Волгин широко улыбнулся, разведя руками. – А у меня языки. И опыт оперативной работы. Я там сгожусь.

Бабленков пристально поглядел на подчиненного. Помолчал.

– И тут сгодишься, – наконец проговорил он. – Какой еще Нюрнберг? Иди, капитан, работай.

Он развернулся и направился в глубину комнаты. Волгин двинулся за ним, покусывая губу. Он понимал, что другого шанса не будет и надо идти ва-банк.

– Я прошу, товарищ майор! Брат! Единственный! Четыре года не виделись!..

Бабленков молчал.

– Товарищ майор, – голос Волгина стал тихим и бесцветным, – вы же знаете: у меня никого... Все погибли. Все. А тут такое... Что бы вы сделали на моем месте? Я думал, все

закончилось, жизнь закончилась. Вы же меня этим к жизни вернули, – он потряс кипой листков. – Пойдите навстречу, прошу вас. Мне найти его надо, товарищ майор.

Бабленков крутанулся на каблуках. Нахмурившийся и злой, стараясь не глядеть на Волгина, протопал мимо.

– И не думай, – отрывисто проговорил он и рубанул ладонью воздух, – лучший сотрудник, еще чего!..

– Евгенийч, – взмолился Волгин. – Пожалуйста... Помогите!

Бабленков вновь остановился у окна.

Красное знамя продолжало трепетать над остовом рейхстага.

Повисло молчание.

Наконец майор развернулся и в упор поглядел на Волгина.

– Не отпущу, – решительно заявил Бабленков и раздавил в пепельнице папиросу.

Он уже знал, что отпустит.

5. Похищение

За окнами мелькали перелески. Листва была зеленая, но уже тусклая, предосенняя. Природа неуверенно, почти робко, готовилась к увяданию.

Волгин рассеянно глядел на проплывающие мимо пейзажи и под стук колес думал о том, как причудлива судьба.

Еще несколько дней назад он мечтал лишь о том, чтобы поскорее очутиться дома, в Ленинграде. Мечтал, что войдет в старую семейную квартирку на Васильевском острове, сядет в любимое отцовское кресло, закроет глаза и представит, что ничего не изменилось с того самого момента, как он покинул это место.

Будет звучать музыка из радиотарелки над сервантом, а из кухни будет доноситься теплый, домашний аромат теста.

Вечером в субботу мать всегда замешивала тесто, а с утра в воскресенье пекла пироги. Это было семейной традицией. Они усаживались за круглый стол, ели пироги, запивая чаем, и рассказывали друг другу о том, что произошло за неделю.

Отец настаивал, чтобы такое чаепитие происходило каждое воскресенье, без пропусков. Он был педант. И детей растил такими же.

Волгин несколько раз подавал рапорт с просьбой отпустить его из Берлина. И неизменно получал отказ. Хорошие переводчики сейчас были на вес золота, а Волгин, на беду

свою, был очень хорошим переводчиком.

– Не торопись, – успокаивал Волгина Бабленков, – спешить некуда.

– Домой хочу.

– А ты уверен, что с ним все в порядке, с твоим домом? – говорил Бабленков. – Я вот знаю, что с моим. Ничего не осталось. Разбомбили.

В ответ на такие слова Волгин мрачнел, а Бабленков прибавлял:

– Стены – это только стены. Важно, что у тебя осталось тут, – и он стучал кулаком по груди.

Волгин знал, что вся семья майора погибла во время бомбежки в Минске.

Знал он и то, что случилось с его собственной семьей.

Однако же его неумолимо тянуло на родину, и каждый день на чужбине тянулся мучительно и нескончаемо.

В тот момент, когда Волгин получил пакет с письмами брата, все изменилось. В жизни вновь появился смысл, появилась цель. Волгин знал, что не уедет из Германии, пока не найдет Кольку.

За окном в ключьях паровозного дыма уже мелькали городские строения. Поезд въезжал в город.

Волгин подхватил чемодан и вышел в тамбур.

На перроне его подхватила и закружила в своем водовороте толпа. Встречающие, провожающие, клацание паровозных колес, гудки и крики вокруг. Чемоданы, тюки, тележки. Возбужденные пассажиры, высыпаящие из вагонов. Разрушенное здание вокзала с полуаркой. Калейдоскоп вокзальной жизни.

Волгин двигался в людском потоке, озираясь по сторонам.

Вот и Нюрнберг. Где-то здесь сейчас ходит Колька. Понятно, что не в этом самом месте, не на перроне вокзала, но ведь где-то рядом!

Волгин продолжал вглядываться в человеческие лица. Невдалеке торопливо прошел военный в советской форме; он был кряжистый, невысокий, ни ростом, ни телосложением совершенно не похожий на брата.

Однако Волгин все равно проводил его взглядом. А может, этот человек знаком с Колькой?.. А вдруг подсказал бы, где его искать?

Но военный уже исчез в толпе.

Волгину не оставалось ничего другого, как обратиться к своим насущным заботам.

Поезд должен был прибыть утром. Но какое может быть соблюдение расписания в послевоенные месяцы?.. Разумеется, в пути случились задержки, и это нарушило все планы.

Волгин рассчитывал, что по приезде отправится к начальству, получит бумагу на расквартирование. А сейчас уже был вечер, надо было отыскать место для ночлега – да хоть бы даже здесь, на вокзале, – а уж завтра устроиться в каком-нибудь подходящем жилище.

– Товарищ капитан! – вдруг услышал он звонкий юношеский голос.

Волгин обернулся. К нему спешил, путаясь в полах шинели, молодой солдат со смешливым лицом.

– Рядовой Тарабуркин, – солдат отдал честь. – Я за вами.

– За мной? – удивился Волгин.

– Вы ведь товарищ капитан Волгин?

– Точно.

– Ну вот! – обрадовался солдат. – Значит, за вами. Я вас весь день караулю! Товарищ полковник распорядился встретить и поселить.

Волгин благодарно улыбнулся. Стало быть, Бабленков все-таки дал телеграмму местному начальству о дне и времени приезда. Спасибо, майор!

– Машина за углом, – тархтел тем временем солдат. – Давайте вещи, я помогу. Нам сюда!

Он стремительно лавировал в толпе, заполнявшей привокзальную площадь, уворачивался от машин и прохожих. Волгин едва поспевал следом. Он был вынужден отскочить в сторону от тележки с поклажей, которую толкали два старичка, и нечаянно задел плечом мужчину в шляпе и пальто.

– Простите, – извинился на немецком Волгин.

Мужчина приподнял шляпу и отвернулся. Он был крепкий, лет тридцати, с офицерской выправкой, и кого-то высматривал в толпе. Лицо его выражало взволнованность и нетерпение.

Наконец он увидел того, кого искал.

С трудом управляясь с несколькими чемоданами, навстречу шел средних лет человек, похожий на клерка, худощавый, невысокий. Рядом двигалась молодая женщина, держа за руку кудрявую девчушку лет пяти.

Эти трое явно выделялись из толпы: они были хорошо одеты, со столичным вкусом. Даже чемоданы в руках мужчины и те были кожаные, основательные.

– Герр Кнюде?

Молодая женщина вздрогнула, а мужчина стал крутить головой и от неожиданности выронил чемодан.

– Вы ведь адвокат Вернер Кнюде, верно?

– Мне не говорили, что нас будут встречать, – буркнул мужчина, подбирая с асфальта рассыпавшиеся пожитки.

– Наша задача – обеспечить для специалистов наилучшие условия для работы в трибунале. Позвольте представиться: Хельмут Ланге.

Он вновь приподнял шляпу и протянул Вернеру широкую крепкую ладонь.

Тот, помедлив, пожал руку.

– А это ваша жена? – учтиво поинтересовался Хельмут,

делая легкий поклон в сторону молодой женщины.

Та вспыхнула, пряча неловкость.

– Это Бригитта. Няня моей дочери Эльзи, – сказал Вернер.

– Я очарован. А это, стало быть, сама юная Эльзи Кнуде? – Хельмут присел перед девочкой на корточки. Та немедленно спряталась за ногу няни, прижав к груди большую куклу.

Хельмут шутливо покачал головой:

– Не надо бояться. Мы с тобой подружимся, вот увидишь. Вы позволите? – Он перехватил у Вернера чемодан и двинулся вперед, показывая дорогу.

Вернер оглянулся на Бригитту, в его взгляде мелькнуло подобие гордости. «Нас встречают, – будто пытался сказать Вернер, – мы важные люди». Бригитта застенчиво улыбнулась.

– Нам на ту сторону площади, – сообщил Хельмут. – Три шага.

Он остановился, пропуская машину.

– Боже мой, тут сплошные руины, – сказала Бригитта, озираясь по сторонам.

– Нюрнберг очень сильно пострадал от американской авиации, – сообщил Хельмут. – В последние дни войны жители только и делали, что прятались от бомб в катакомбах.

– Здесь есть катакомбы? – заинтересовался Вернер.

– Всюду! Целая сеть древних катакомб. Когда-то это были

подвалы для отстаивания пива, а потом их соединили. Что-то залито водой до потолка, а что-то вполне пригодно для использования как подземные ходы. Наверняка и под нами тоже что-то такое имеется. Вам обязательно надо там побывать.

– У меня на это не будет времени, – буркнул Вернер.

– Время найдется, – уверил Хельмут и распахнул багажник машины. Водитель, молодцеватый мужчина, с военной, как у Хельмута, выправкой, выскочил наружу, чтобы помочь.

Вернер протянул руку к кукле, но Эльзи взмолилась:

– Папочка, можно я возьму Лили с собой?

– Только если будешь слушаться и вовремя ляжешь сегодня спать.

– Буду слушаться, папочка.

– Тогда бери. Ступай! – он кивнул в сторону заднего сиденья.

Бригитта и Эльзи скрылись в машине, водитель хлопнул дверью.

– Слишком много поклажи, – посетовал Вернер. – Мы заняли купе целиком. Это все Бригитта. Говорил ей: меньше надо брать, меньше! Боюсь, все не поместится.

– На вашем месте я бы не тревожился об этом, – ответил Хельмут.

Он бросил короткий взгляд направо, и из-за потрепанной афишной тумбы появился человек. Он стремительным шагом направился к машине и взобрался на переднее сиденье.

Одновременно из толпы возник еще один человек и нырнул в салон, усевшись за водителем.

Хельмут захлопнул багажник. Мотор мерно заурчал.

– Улыбайтесь, – мягко, но с угрожающей нотой произнес Хельмут. – Или ваша дочь умрет.

Эльзи растерянно оглянулась на Вернера сквозь заднее окно.

Машина резко рванула с места и через мгновение исчезла за поворотом.

Все произошло так быстро, что Вернер не успел и глазом моргнуть. Он побежал было за машиной, но той и след простыл.

С минуту адвокат стоял посередине бурлящей толпы, растерянно озираясь по сторонам. Люди спешили по своим делам, встречались и прощались; гудели паровозы, громыхали где-то неподалеку вагоны. Это была привычная вокзальная жизнь, и никому в голову не могло прийти, что здесь только что были похищены два беззащитных существа.

Вернер чуть не расплакался от досады и испуга. Взрослый человек, он почувствовал себя, как в детстве, когда однажды заблудился в чужом городе, потеряв в толпе родителей. Он до сих пор помнил ощущение растерянности посреди гудящего и такого агрессивного мира. Сейчас ситуация была куда хуже. У него украли дочь.

Хельмут невозмутимо наблюдал за происходящим.

Вернер развернулся и подошел к нему. Он хотел что-то

сказать, но вместо этого лишь неуверенно пошевелил сухими губами.

Хельмут ласково улыбнулся.

– Герр Кнюде, если вы будете вести себя благоразумно, никто не причинит вреда ни вашей дочери, ни вам.

– Что вам нужно? – наконец сумел выдать из себя адвокат.

Хельмут усмехнулся:

– Давайте поговорим о деле.

6. Нюрнберг

Волгин разглядывал разрозненные листки, разложенные на коленях.

Еще в Берлине он много раз перечел все письма брата. Они были адресованы матери, но Колька часто писал и о нем, о Волгине.

«Дорогая мама, я часто вспоминаю здесь, как ты пыталась помирить нас с Игорьком. Мне всегда казалось, что вы любите его больше, чем меня. Наверное, потому, что он старший. Сейчас понимаю, что был не прав. Просто с Игорем всегда все было понятно, а со мной – нет. Интересно, где он сейчас, что с ним?»

А у нас метет метель. Странно: уже весна, а метель. И земля становится белой. Небо белое, земля белая. Похоже на белый лист бумаги, на котором хочется рисовать что-то хорошее...»

На полях писем или просто на обрывках бумаг Колька малевал все, что только в голову приходило.

Волгин расправил измятую бумагу, на которой были изображены человеческий глаз, а рядом ступня. Колька, как всегда, был в своем репертуаре. Даже на войне он запечатлевал не то, что видел вокруг, а свои фантазии.

— Красиво, – оценил Тарабуркин, скосив глаза. – Вы что,

художник?

– Это не я, это брат, – хмуро ответил Волгин. Он не любил, когда заглядывают через плечо. Потом обернулся к водителю: – Рядовой Николай Волгин. Может, слышал?

– Волгин, Волгин, – пробормотал Тарабуркин и замотал головой. – Никак нет, не слышал. А он где воевал?

– Не знаю. В 1941-м ушел на фронт добровольцем. В 1942-м пропал без вести... Вроде бы сейчас в Нюрнберге объявился.

– Меня сюда недавно перевели. Я до этого в тылу был. Заявление в военкомат писал, добровольцем, но не взяли. Не повезло. А у меня тоже брат на фронте был. Двоюродный. Петя Тарабуркин...

Водитель, воспользовавшись интересом капитана, заговорил о своем: о большой семье, которую разбросало войной по свету, об отце-инвалиде, который собрал детей всех родственников и кормил их картошкой с домашнего огорода; кроме картошки, ничего не было, зато все выжили, и это главное; о том, как интересно было увидеть за границу и местных фрау, которые одеваются шикарно, ходят в шляпках, – совсем не так, как в деревне под Саратовом, хотя в Саратове войны не было, а тут была.

– Товарищ полковник велел вас поселить на квартиру, а уж завтра с утра к нему явитесь. С дороги вам отдохнуть надо, – заявил Тарабуркин.

Волгин отвернулся к окну и смотрел на проплывающие

за окном руины. Американская авиация бомбила Нюрнберг всерьез. Из земли торчали лишь обуглившиеся стены да каменные углы с пустыми глазницами окон.

Машина свернула направо, и среди груд битых камней и кирпича Волгин вдруг увидел невесть как сохранившуюся статую на побитом осколками постаменте. Бронзовый германский правитель величаво и мрачно взирал на апокалиптический пейзаж, сидя на огромной черной лошади. Круп кобылы был покорежен попавшим в него осколком, но в целом скульптурная группа сохранилась хорошо.

По тротуарам брели жители, подбирая в завалах мелкую утварь. Немолодая женщина, замотанная в платок, толкала перед собой детскую коляску с погнутым колесом. Коляска будто прихрамывала в движении, и торчащие из нее палки и колченогая табуретка раскачивались из стороны в сторону. Палки то и дело норовили выпасть наружу, женщина ловко водворяла их обратно.

У костерка грели руки несколько подростков в драных, с чужого плеча курточках, а на открывшемся проспекте возились под надзором конвоиров пленные гитлеровцы – разбирали завалы, укладывали в штабеля обгорелые балки.

Темнело.

Машина свернула в проулок, и яркие отблески огня ударили в лицо.

– Ух ты! – присвистнул Тарабуркин.

Впереди пылала опрокинутая и покореженная взрывом машина. Клубы черного дыма, извиваясь, уходили в небо. Американские солдаты в униформе военной полиции оттащивали от огня окровавленные, без признаков жизни тела.

На другой стороне дороги толпились горожане, встревоженно перешептываясь между собой.

– Опять эсэсовцы недобитые, – резюмировал Тарабуркин. – Никак не успокоятся, мать их растак!..

Резкая сирена разорвала тишину, в проулок въехала машина МР. Жители бросились врассыпную.

– Добро пожаловать в Нюрнберг! – объявил Тарабуркин.

* * *

Автомобиль остановился у старинного подъезда. Квартал, где должен был поселиться Волгин, был небогат, зато не разбомблен, как многие остальные. Руины виднелись лишь в глубине улицы.

– Вот и прибыли, – сказал водитель. – Милости прошу!

Он подхватил чемодан Волгина и легко взбежал на четвертый этаж.

Дверь открылась не сразу. Сначала слышались шаркающие шаги, и через несколько мгновений на пороге возникла немолодая женщина с собранными на затылке седыми волосами.

Она холодно оглядела непрошенных гостей.

– Гутен абен! – расшаркался Тарабуркин. – Диме офицер лебе... то есть – вонт... хир. Ферштейн? Короче, этот офицер будет жить здесь, понятно?

Хозяйка полистала бумаги, протянутые водителем. Губы ее презрительно скривились, женщина направилась в глубинную квартиру. Она прошла мимо двери, за которой мерцал тусклый свет, и распахнула другую, находившуюся в противоположной стороне прихожей.

Обстановка комнаты была по-немецки практичная, хотя и небогатая: диван, круглый стол в центре под уютным абажуром, ронявшим на узорную скатерть теплый апельсиновый свет, зеркало, печка.

В глубине комнаты виднелась еще одна дверь – в спальню.

«Шикарно», – подумал Волгин. Ни на что подобное он не рассчитывал. После землянок и полуразрушенных овинов, в которых обычно размещались на ночлег разведчики, две уютные комнаты казались верхом роскоши; да и в Берлине у Волгина была только койка в общей берлоге.

Хозяйка между тем двигалась по комнате, собирая вещи с дивана и стульев и фотографии со стен. Волгин успел увидеть изображение молодого парня в военной форме.

– Где вы были в январе 1943-го? – спросила она у Тарабуркина.

Тот захлопал глазами.

– Чего?

Хозяйка, не ответив, пошла к выходу, но вдруг свернула и остановилась перед Волгиным.

– Где вы были двадцать девятого января 1943 года? – спросила она с вызовом. Волгин предпочел не отвечать. Тогда хозяйка выпалила: – Судить нас приехали, да?

И хлопнула дверью.

Тарабуркин покрутил пальцем у виска и хихикнул:

– Немчура! Все они такие. Не хотел бы я к такой бабке на постой. Но других квартир пока нет. – Он весело подмигнул Волгину и добавил: – Ничего. У товарища полковника будет спокойнее. Он вас будет ждать завтра утром в своем кабинете.

7. Мигачев

Нюрнбергский Дворец правосудия высился среди руин, как остров надежности в безбрежном океане. Серый, основательный, как все немецкое, построенный чуть ли не полтора столетия назад, по какой-то счастливой случайности он выстоял во время жестоких бомбардировок и остался практически неповрежденным, если не считать рухнувшего от взрыва бомбы крыла в правой части.

Волгин миновал крытую колоннаду и через тяжелую дверь, у которой навывтяжку стояли часовые, вошел в просторный вестибюль.

Вокруг сновали клерки. Могло показаться, что это обычная, скучная жизнь судебного заведения, если бы в человеческой массе не преобладали военные в обмундировании разных стран – советские, американцы, англичане, – которых тут было видимо-невидимо.

Волгин схватил за локоть пробежавшего мимо молоденького прапорщика и поинтересовался, где кабинеты советской делегации. Прапорщик указал и отдал честь.

Волгин поднялся по массивной лестнице, окна которой выходили во внутренний дворик, и вошел в белый, с колоннами, коридор.

Его обгоняли рядовые со звездочками на пилотках. В руках у солдат были увесистые пронумерованные коробки, до-

верху набитые папками.

Будто камешки в старой сказке, которые помогли герою найти дорогу, солдаты вывели Волгина к нужной двери.

Из-за нее доносились обрывистые крики.

Волгин одернул китель и вошел.

В кабинете, казалось, царил хаос, но при ближайшем рассмотрении можно было убедиться, что хаос этот тщательно управляемый. Рядовые складывали коробки с документами у дальней стены, высокая строгая женщина руководила помощниками, распорядилась, куда и какие бумаги положить.

Помощники скользили вдоль стен, заставленных высокими, до потолка, стеллажами. Бумаги аккуратно раскладывались в нужные ячейки.

У всех, кто находился в кабинете, было одинаковое выражение лица – каменно-невозмутимое, будто ничего особенного не происходило.

Однако это было не так.

В центре кабинета, широко расставив ноги, стоял американский полковник с белыми от гнева глазами и громко кричал. На лбу его блестели бусинки пота. Из-за спины полковника выглядывал адъютант, белый и растерянный.

А перед полковником, спиной ко входу, сложив руки на груди, возвышался человек в советской военной форме.

– ...Это совершенно возмутительная ситуация! – кричал американец, и от его шеи вверх подымалась багровая полоса. – В конце концов, вы должны помнить о том, что здесь

не советская зона, а американская. Мы тут хозяева! А вы в гостях. Вы не имеете права контролировать американских представителей, а тем более меня! Мы способны прекрасно разобраться и без вас!..

Завершив эту тираду, американец умолк и исподлобья уставился на визави.

Повисла пауза, нарушаемая лишь шелестом бумаг и звуками шагов солдат, продолжавших сгружать коробки с документами.

Человек в советской военной форме – на плечах можно было разглядеть полковничьи погоны – спокойно произнес:

– Ну и чего он разорался? Зайцев! Что ему надо?

Светловолосый лейтенант Зайцев, круглолицый, с румянцем во всю щеку, выглянул из-за стеллажа.

– Товарищ полковник, я же только по-немецки, – растерянно сообщил он, и на лице возникла виноватая трогательная улыбка.

Полковник огляделся по сторонам. Клерки уткнулись в бумаги. Надо понимать, что по-английски тут никто не говорил.

– Разрешите, товарищ полковник! – сделал шаг вперед Волгин.

На эти слова офицер обернулся. Был он представителем, на висках серебрилась седина. Темные глаза смотрели жестко и пытливо, губы под узкой полоской усов были сжаты.

Он смерил Волгина взглядом и сдержанно кивнул.

– Он говорит, что это возмутительно, – кратко сформулировал смысл сказанного американцем Волгин. – Говорит, что это американская зона, а мы в гостях. Говорит, что советские не должны контролировать американцев.

– А ты ему вот что скажи, – полковник по-хозяйски обернулся к американцу. – Во-первых, я не обсуждаю приказ командования... Переводи!

Волгин стал переводить слово в слово. Для него это никогда не составляло труда. До войны его, бывало, приглашали на встречи с иностранцами, и он привык одновременно слушать и говорить. Это был его конек.

– Во-вторых, – продолжал тем временем полковник, – мы тут наблюдатели на законных основаниях. Мы не американцев проверяем, а то, как проводятся охранные мероприятия. И в-третьих... – полковник сделал полшага вперед и выразительно глянул на гостя: – Тут, в Германии, мы все в гостях – и русские, и американцы...

Американский полковник, продолжая багроветь до самых кончиков ушей, выслушал перевод, потом резко шагнул в сторону и, не глядя на Волгина, вышел прочь из кабинета. Из коридора донесся тяжелый звук его удаляющихся шагов. Адьютант семенил следом.

– Вот так-то лучше, – сказал хозяин кабинета, и присутствующие будто выдохнули. Волгин кожей почувствовал, что напряжение ушло, бумаги в руках клерков зашелестели веселее.

Сомнений быть не могло: полковник и есть тот самый знаменитый Мигачев, в подчинение к которому был откомандирован Волгин. Известно, что Мигачев был суров и терпеть не мог пререканий. Об этом Волгина предупредил Бабленков, когда они прощались.

– Не рассчитывай, что с ним будешь вась-вась, как здесь, – буркнул Бабленков. – С Мигачевым ты не забалуешь. Еще назад попросишься.

– Попрошусь, – радостно улыбнулся Волгин, понимая, что майор все-таки простил его за «измену». – Но прежде брата найду. И сюда привезу.

– Давай-давай, – кивнул Бабленков.

И вот Мигачев стоял перед Волгиным и внимательно изучал его взглядом. Вернее, это Волгин стоял перед Мигачевым и чувствовал себя не слишком уютно, хотя и пытался скрыть свое состояние.

– Товарищ полковник, разрешите доложить. Капитан Волгин прибыл в ваше распоряжение.

Мигачев еще несколько секунд буравил нового подчиненного глазами и не сразу откликнулся.

– Вольно, – наконец-то распорядился он и направился к рабочему столу. – Так это ты к нам просился? Мне сказали, всех замучил. Что, в Берлине тяжела была служба?

– Никак нет. Служба везде одинаковая.

– Переводчик?

– Так точно.

– Языки?

– Немецкий. Английский. – Волгин подумал и прибавил, пряча улыбку: – И русский немного.

– Шутник? – неприязненно поинтересовался полковник. – Мне обещали боевого офицера, а не артиста погорелого театра.

– Три года на передовой. Войсковая разведка.

– Разведка – это хорошо. – Мигачев взял со стола пачку фотографий и сунул в ящик стола. Волгин понял, что эти действия – лишь способ уйти от прямого контакта. Полковник прощупывал его, но делал это неприметно. Оценивал. – Слыхал, ты был один из лучших в дивизии? Ну, посмотрим.

Он уселся за стол и уткнулся в бумаги.

– Обустраивайся пока, разведка, и жди дальнейших распоряжений. Свободен!

– Товарищ полковник, разрешите по личному вопросу?

Мигачев поднял глаза и в упор уставился на собеседника.

– Я ищу человека, – Волгин предпочел не тянуть и принять молчание полковника за разрешение продолжить разговор. – Рядовой Николай Волгин. Это мой брат. Он где-то здесь, в Нюрнберге...

– Зайцев! – перебил Мигачев. Из-за стеллажа вновь высунулся круглолицый лейтенант. – Рядовой Волгин – знаешь такого?

– Никак нет! – браво отрапортовал Зайцев.

– Ну, если Зайцев не знает, то никто не знает, – резюмиро-

вал полковник, разведя руками. Лейтенант против воли разулыбался такому комплименту. Улыбка у него и впрямь была замечательная – открытая и сразу располагавшая к себе.

Волгин задумался на мгновение, потом произнес:

– А где можно справиться?..

– Вот что, капитан, – резко перебил его Мигачев, – у нас тут, вообще-то, важные дела. Вон в тюрьме высшие чины гитлеровской Германии, на носу крупнейший международный военный трибунал, и он уже на грани срыва. Гитлеровское подполье активизировалось, а мы с союзниками никак договориться не можем, как видишь...

В кабинет, растолкав солдат, вбежала запыхавшаяся темноволосяя девушка в гимнастерке. Миловидное лицо ее было бледным, она растерянно шевелила губами. По выражению лица девушки можно было определить, что произошло нечто неординарное.

– Что такое, Маша? – спросил Мигачев.

– Товарищ полковник!.. Там, в тюрьме...

– Что в тюрьме?

– Лей повесился! Прямо в своей камере!..

В кабинете повисла тишина.

– Вот тебе и начало трибунала! – наконец произнес Мигачев и с досадой хлопнул по столу ладонью.

Клерки, осторожно выглянувшие в окно, увидели, что во дворе тюрьмы, примыкавшей с тыльной стороны к зданию Дворца правосудия, уже царил суматоха: бегали солдаты и

офицеры, а также люди в белых халатах.

8. Разговор с тенью

Такого, конечно, никто не ожидал.

В нюрнбергской тюрьме, построенной по пенсильванскому принципу – четыре здания, сходящиеся торцами к единому центру и оттого сверху напоминающие цветок, они отлично просматривались с основного поста, мышь не прошмыгнет, а возле камер топтались солдаты, поставленные присматривать за каждым заключенным, – чрезвычайные происшествия были чем-то из ряда вон выходящим.

Комендант тюрьмы Эндрюс был вне себя. Заключенный Лей повесился практически среди бела дня, чуть ли не на глазах у охраны.

Перепуганный рядовой заплетающимся языком рассказывал о том, что все время заглядывал в камеру через смотровое окно. Лей лежал на кровати, ходил по комнате; да, казался более чем обычно потерянным, но предположить, что он собирается покончить с собой, было невозможно.

Заключенный приспустил штаны и уселся на унитаз, находившийся в углу, возле двери, и охранник посчитал за благо деликатно отвернуться.

Пару минут спустя он заглянул вновь. Лей по-прежнему восседал на стульчаке без движения.

Охранник позвал его. Никакой реакции.

Тогда солдат вошел внутрь и обнаружил, что рейхсляйтер

сидит с выпученными глазами и вываленным наружу синим языком. Горло его стягивала удавка, сделанная из полотенца и накинута на сливную трубу унитаза.

Он был мертв.

Прибежавший на крики врач пытался вернуть заключенного к жизни, делал непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, но все было безрезультатно.

Эндрюс крутил в руках листок бумаги – короткое письмо, обнаруженное рядом с унитазом.

– Что это такое? – ревел Эндрюс. – Откуда это взялось?!

Охранник вжал голову в плечи и молчал.

На шум прибежали адвокаты, допрашивавшие подсудимых в соседнем помещении.

– Убрать всех! – продолжал бушевать Эндрюс. – Вон отсюда!

Адвокаты гуськом потянулись к выходу. Последним из них двигался Вернер.

* * *

Несколько часов спустя, облаченный в пальто с поднятым воротником и модную шляпу, Вернер стоял на заброшенном перекрестке посреди разрушенного квартала.

Вечерело. Перекресток был пуст, лишь вдалеке виднелись две фигуры, как будто случайно забредшие в это неприятное и казавшееся совершенно необитаемым место. Помая-

чив, фигуры исчезли за поворотом, и Вернер остался совершенно один.

Он извлек из кармана смятый листок и сверился с наскоро набросанным чертежом. Вроде бы все верно.

Из-за зубчатых руин высилось величественное здание с полуразрушенным куполом и торчащими в небо балками. Вот и храм. Вернер направился к нему.

Внутри было темно и пусто. Вернеру приходилось переступать через тяжелые балки, загроздившие пол. Вверх вздымались полуразбитые колонны.

Вернер задрал голову. В потолке зияла огромная дыра, и последние, гаснущие лучи озаряли пространство храма призрачным светом.

Донесся свист. Он шел не снаружи, а как будто откуда-то из-под земли.

Вернер огляделся по сторонам и увидел пролом, ведущий вниз. Осторожно перебираясь через камни и разбитую церковную утварь, Вернер начал спускаться все ниже и ниже.

Наконец он увидел тусклое сияние. Из-под земли бил свет.

Вернер очутился в каменном подземелье. Тяжелый сводчатый потолок нависал над ним. Вокруг, небрежно расставленные в нишах, горели свечи. Языки пламени выхватывали участки подземного пространства, но оглядеть его полностью не представлялось возможным.

– Я жду вас уже полчаса, – раздался голос, и из темноты

возникла высокая крепкая фигура.

– Я не мог уйти. Нас допрашивали. Лей покончил с собой.

– Уже знаю. Вы оказались хорошим почтальоном.

– Что было в письме?

– Ничего, – Хельмут усмехнулся. – Кто бы мог подумать, что рейхсляйтер окажется таким неврастеником? Я всегда знал, что в нашем руководстве не все в порядке. А разве вы не прочли письмо?

– Не имею привычки читать чужую корреспонденцию, – насупился Вернер. – Я просто передал письмо Лею. Это было непросто.

– Главное, что вы справились.

– И все-таки? Что там было – в письме?

Хельмут покачал головой.

– Шутка. Просто шифр. Ему написали от имени жены. А он принял все за чистую монету. Штука в том, что жена покончила с собой пару лет назад. Кто бы мог подумать, что рейхляйтер так покорно последует ее примеру?..

Хельмут извлек из заплесневелого ящика еще несколько свечей и принялся зажигать их, расставляя на древнем портале.

– Люблю это занятие, – признался он. – Зажигаешь свечу – и будто новую жизнь зажигаешь. Правда, точно так же легко ее можно и потушить, – Хельмут со значением глянул на собеседника.

Вернер сделал вид, что не расслышал последнюю фразу.

– Я сделал все, что вы велели, – сказал он. – Теперь ваша очередь. Верните мне дочь.

– Это только начало. У нас далеко идущие планы. – Хельмут помедлил, затем торжественно произнес: – Мы должны сорвать трибунал.

Вернер оторопело уставился на Хельмута.

– Вы шутите, – с трудом выговорил он.

– Ничуть. Мы должны сорвать этот процесс. Любой ценой. Мы должны освободить заключенных или убить их – это совершенно неважно. Главное, чтобы трибунал не состоялся. – Глаза Хельмута блестели в полутьме дьявольским огнем.

Вернер отшатнулся:

– Вы не понимаете, о чем говорите. Там охрана! Там войска. У вас и близко нет таких возможностей!..

– Вы не знаете наших возможностей, – спокойно возразил Хельмут. – Скоро все узнают и вы тоже. – Он помедлил, затем распорядился: – Сейчас вам нужно установить контакт с узниками. Прежде всего нас интересует Геринг.

– Я делаю все, что могу. Я буду защищать обвиняемых на суде...

– Это не суд, это фарс! – зарычал Хельмут. – Американцы и англичане опять хотят унижить нас! Связались с русскими! Но мы еще живы, и мы будем действовать!..

Вернер понял, что спорить бесполезно.

– Где моя дочь? – раздельно произнося слова, спросил он.

Хельмут улыбнулся:

– С ней все в порядке. Она в надежном месте. – Он порылся в кармане пальто и извлек сложенный вчетверо листок. – Это вам от нее.

Вернер выхватил листок из рук Хельмута, развернул и подвинул ближе к мерцающему огню свечей.

Веселый детский рисунок цветными карандашами. Три забавные фигурки, состоящие из кружков и палочек: папа, мама, ребенок с косичками. Вот только солнце, разбрасывавшее лучи, было черным.

У Вернера задрожали губы.

– Мне интересно: как вам удалось спрятать ее от гестапо? – задумчиво произнес Хельмут.

– Зачем мне ее было прятать? – нервно воскликнул Вернер. – Эльзи – хорошая немецкая девочка...

– А ее мать – еврейка, которую отправили в Освенцим. Ваша жена была еврейкой, не так ли, герр Кнюде?.. Стало быть, и милая маленькая Эльзи – тоже еврейка. А вы знаете, как в рейхе поступают с евреями...

– Что вам нужно?!

– Ищите доступ к Герингу. Это задание. И не вздумайте обратиться туда, куда не следует обращаться. Вы же понимаете: судьба вашей дочери всецело зависит от того, готовы ли вы с нами сотрудничать.

Хельмут задумчиво погасил пальцами свечу и поглядел на Вернера. Тот был бледен как смерть.

– Идите, – сказал Хельмут. – Идите и помните, что все в ваших руках. Ну и, конечно, в моих, – он сжал пальцами фитиль следующей свечи. Длинный тонкий след дыма устремился к сводчатому потолку и растаял.

Вернер громко засопел, однако ничего не произнес в ответ и принялся выкарабкиваться по камням из подземелья.

Хельмут спокойно и внимательно глядел ему вслед.

Наконец, шаги стихли.

– Мне он совсем не понравился, – прозвучал за спиной Хельмута негромкий голос, и из ниши возникла темная фигура, похожая на тень. – Ненадежный вариант.

Вспыхнул огонек зажигалки – Тень прикурила тонкую сигарету.

– Хорошая вещица, – сказал Хельмут, разглядывая зажигалку в руке Тени.

– Подарок Гиммлера. – Тень помолчала. – Очень ценный подарок. Эта зажигалка стоит целое состояние.

– Да уж вижу... Мне он ничего такого не дарил.

– Значит, не заслужил. Вот что. Этот твой адвокат может нас подставить, – вернулась Тень к прежней теме. – Надо искать другой вариант. Нам нужен серьезный информатор.

– Мне он тоже не нравится, – признался Хельмут. – Буду искать.

– Но и от этого Кнюде тоже отказываться не стоит. Он пригодится все равно. Ты же понимаешь: дело очень и очень серьезное. Мы не можем допустить, чтобы на этом судили-

ще Германию распяли на глазах всего мира. Это вопрос национальной гордости. Мы и без того достаточно пострадали. Или ты не согласен?

Тень глубоко затянулась сигаретой и выпустила дым в лицо Хельмута. Хельмут и бровью не повел.

– Абсолютно согласен, – сказал Хельмут.

– Вот скажи мне, – продолжала Тень, – разве англичане лучше? Разве не Чемберлен летал к Гитлеру, разве не он подписал мюнхенские соглашения? С этого все началось! А французы?.. – Тень стряхнула пепел с сигареты. – Им же нравилось якшаться с фюрером, они души в нем не чаяли. А теперь изображают из себя обиженных. Я уж не говорю об американцах. Это они напропалую крутили романы с нашей военной промышленностью и вливали в нас свои доллары, а все для того, чтобы рассорить с большевиками и побольше на этом заработать. Почему на этот мерзкий спектакль в качестве обвиняемых выставили именно нас?!

– Никто не любит проигравших, – мрачно сказал Хельмут. – А мы сейчас проигравшие...

– Ну уж нет! Мы еще не проигравшие. Война закончилась, но это ничего не значит. Если вытащить из тюрьмы Геринга... да и остальных подсудимых тоже! О, это было бы доказательство того, что мы еще сильны и к нам следует прислушиваться.

– У меня слишком мало бойцов...

– Бойцы будут, об этом я позабочусь. Пусть не сразу, но

будут. А ты подумай о том, чтобы подыскать более надежного человека среди тех, кто ошивается на трибунале. Там наверняка найдутся те, кто согласился бы с нами сотрудничать. Надо только найти для них весомый повод. Было бы отлично, если бы это был кто-то из советских... Советские всегда много знают. И их сейчас никто не заподозрит.

– Я попытаюсь.

– Не пытайся, а сделай! Процесс должен быть сорван. Этого адвокатишку держи на коротком поводке, но найди еще кого-то. Скажем, из советских.

– Есть! – сказал Хельмут и щелкнул каблуками, отдавая честь. Эхо гулко раскатилось по подземелью.

9. День, который так ждали

Утро 20 ноября 1945 года выдалось ветреным и пасмурным. Подрагивали на ветру голые ветви деревьев, по мостовой неслись пыль и облетевшая листва; будто распахнутые крылья, бились на фасаде здания флаги. Флагов было четыре – по числу держав-победительниц, представители которых должны были судить нацистских преступников: СССР, США, Великобритания, Франция.

Площадь перед правым крылом Дворца правосудия гудела, будто растревоженный улей. Стоянка была полна машина, но автомобили продолжали прибывать.

У ворот охранники едва справлялись с проверкой документов. Участники и гости трибунала терпеливо ждали своей очереди, выстроившись в длинную линию и запахиваясь в пальто и шинели. Здесь были представители армий союзников и штатские.

Бойкие фотографы направляли на них свои фотоаппараты. Вспыхивали блицы.

На десять часов было объявлено открытие международного трибунала.

– Ничего себе столпотворение! – изумился Зайцев, озираясь по сторонам. – Я здесь три месяца, и никогда такого не было.

– Да уж, – проворчал Волгин, – в таком столпотворении

не до человека...

– Ты про брата? – сочувственно уточнил Зайцев. – Найдешь, все будет в порядке. А на полковника не злись. Он мужик хороший. Ну, солдафон, но тут уж ничего не поделаешь. Зато ты счастливый! У тебя брат есть. А у меня вот никого не осталось... Он в каких частях служил?

– Пехота.

– Тут пехотинцев мало... Я попытаюсь поузнавать, конечно.

Они встали в очередь. Солдаты на входе придирчиво изучали документы.

Волгин поморщился:

– Если не ускорятся, нам до вечера ждать.

– Прорвемся! – хохотнул Зайцев. – А с чего ты решил, что твой брат в Нюрнберге?

– Почту получил. А там штемпель: Нюрнберг.

– И ни обратного адреса, ничего?

Волгин отрицательно покачал головой.

– Надо в городе покрутиться, может, узнаешь что, – заключил Зайцев.

У ворот происходила смена караула. Шеренга солдат в советской форме промаршировала мимо Волгина и Зайцева, и Волгин вдруг увидел удаляющийся коротко стриженный затылок. Было в нем что-то до боли знакомое.

– Колька! – воскликнул Волгин и бросился к караульному. Тот недоуменно обернулся.

– Простите, – пробормотал Волгин. – Обознался...

Зайцев подхватил его под локоть и повел ко входу. Они предъявили пропуска и прошли было внутрь, но Волгин вдруг резко остановился.

Он услышал, как почтенный господин в пальто и шляпе пытался объяснить на немецком американскому солдату, что приглашен, что у него специальный пропуск, и даже продемонстрировал этот пропуск, но солдат даже глазом не вел.

«Трудности перевода», – подумал Волгин и поспешил на помощь господину в шляпе.

– Волгин, ты куда? – закричал ему Зайцев из дверей, но Волгин только отмахнулся.

– Он просит документ, удостоверяющий личность, – сказал Волгин на немецком. Господин в шляпе благодарно кивнул и поспешно извлек из внутреннего кармана паспорт. Охранник скользнул по паспорту взглядом и сделал знак: проходите.

Господин приподнял шляпу и вежливо поклонился охраннику, – который, впрочем, никак не отреагировал, – а Волгину господин сказал:

– Это очень правильно. Нужно проявлять бдительность. В наше время бдительность прежде всего.

Волгин стал подниматься по ступеням. Господин в шляпе двигался за ним.

– Спасибо за помощь, – сказал он. – Наконец-то мы дождались этого дня! Разрешите представиться: герр Швентке.

Я из городской администрации.

– Капитан Волгин.

– Я хочу увидеть этих людей. Никогда не прощу того, что они сделали! А вы из России? У вас отличный немецкий!

* * *

Центральная лестница в вестибюле была запружена людьми. Черепашьим шагом Волгин и Зайцев двигались в общем потоке.

Вдруг толпа вскипела волной. Откуда ни возьмись появились солдаты в белых шлемах и стали оттеснять присутствующих в сторону, расчищая путь для какой-то важной персоны.

Зайцев недовольно нахмурился, но вдруг лицо его озарилось восторгом:

– Смотри-смотри! – по-ребячьи воскликнул он.

Окруженная охранниками, по лестнице поднималась светловолосая женщина в кремово-белом костюме и белой шляпке. Она была не юна, но очень стройна и изящна, а движения – отточенно-грациозны. Ее профиль, казалось, был высечен из прекрасного белого мрамора.

Вокруг вспыхивали блицы фотоаппаратов, репортеры махали руками и кричали: «Сюда, сюда посмотрите!», пытаясь привлечь ее внимание.

Женщина шла вверх по лестнице, скромно потупя взор,

будто не осознавала, что весь этот шум происходит вокруг нее и ради нее. При этом на губах ее играла застенчивая, совершенно неотразимая улыбка.

«Она – писаная красавица», – подумал Волгин.

От нее исходил какой-то особый, нездешний свет. Она двигалась мимо, и ресницы ее трепетали.

Ему показалось, что он где-то встречал ее, но где?

– Не узнал?! – возмутился Зайцев, провожая незнакомку восхищенным взглядом. – Ты, что, трофейное кино не смотришь?..

И тут Волгин вспомнил. Не так давно к ним в часть приезжала кинопередвижка. Киномеханик растянул на стене заштопанную, не первой свежести простыню, превращенную в экран. Начался фильм. Мелькали какие-то невзрачные фигуры, вазы, колыхался тюль, и Волгин уже собирался уйти, как вдруг на экране возникла эта ослепительная женщина. Она смотрела в зал сквозь полуприкрытые веки, чуть запрокинув голову, и взгляд ее серых глаз пробирал до самых глубин, а губы манили как магнит.

Волгин был не самым большим поклонником мелодрам, да и вообще кино не очень жаловал – он любил книги. Однако образ этой прекрасной женщины просто-таки вонзился в его сердце.

Она была совершенно нездешняя, неземная, сильная и хрупкая одновременно. Волгин, рассеянно наблюдая за развитием экранного действия, думал о том, что живет же где-то

такая красота, ступает ножками по земле. И какой-то счастливец обнимает ее не на экране, а в жизни.

И вот теперь он видел перед собой это прекрасное видение во плоти, и оно сейчас удалялось от него по лестнице, плавно покачивая безупречными бедрами, пока не скрылось за поворотом.

Замершая толпа несколько мгновений глядела ей вслед, затем выдохнула в едином порыве и вновь зашевелилась.

– Ничего себе, – сказал Волгин.

– Ага! – поддержал Зайцев. – Она самая! Американская знаменитость. Сразу видно – качественная барышня. Здешние дамочки ей и в подметки не годятся. Вот что такое заморская кровь.

– Вообще-то она немка, – сообщил Волгин.

– Не-не, ты что-то путаешь. Видишь, американцы ее пасут, чтобы с ней, не дай бог, чего не случилось... Она из Голливуда.

– Немка. Она сбежала от Гитлера в начале тридцатых. – Волгин припомнил, что читал о киноартистке в журнале после того, как посмотрел фильм. Название фильма вылетело из головы, а вот прекрасный женский образ остался. Волгин нашел фотографию кинодивы, к фотографии прилагался текст, повествующий о творческом пути артистки и о ее непростых взаимоотношениях с гитлеровской властью.

– Уехала в Америку, – продолжил Волгин. – Геббельс пытался вернуть ее, слал телеграммы, но она категорически

отказалась. Тогда ее объявили врагом рейха. Интересно, а здесь она что делает?

Зайцев помолчал, осмысливая услышанное, затем сделал вывод:

– Пропаганда!

В этот момент в Волгина со всего размаха врезалось и едва не сбило с ног что-то рыжее, яркое, похожее на порыв свежего ветра.

– Эй, смотри, куда прешь! – крикнуло рыжее на английском (при этом Волгин явственно уловил сильный американский акцент) и уставилось на капитана.

Это была высокая, стройная девушка лет двадцати пяти. На веснушчатом лице ее горели зеленые глаза. Густые вьющиеся протуберанцы волос медово-огненного оттенка расплескались по плечам. Одетая она была в военную униформу, узкая талия перетянута армейским ремнем. В руках девушка сжимала два блокнота и несколько карандашей.

– Простите, – извинился Волгин, хотя его вины в столкновении не было.

Девушка в упор посмотрела на него, вскинув голову, и в глазах ее загорелся интерес. Такой откровенный, что Волгин против воли смутился.

Она все поняла и улыбнулась хитро и победительно.

– Нэнси, поторапливайся, – крикнул девушке неуклюжий увалень с гирляндой фотоаппаратов на груди. Увалень тоже был облачен в военную форму, но форма сидела на нем ни-

чуть не элегантнее, чем седло на пасущейся на лугу корове. Парень, надо полагать, ощущал это, однако данное обстоятельство его ничуть не смущало. Или же он делал вид, что не смущало. Он одернул кособоковую куртку и вновь позвал:

– Нэнси! Мы ее упустим!

Рыжая Нэнси еще на несколько мгновений задержалась перед Волгиным, будто поддразнивая, смерила его пристальным взглядом и вскачь помчалась по лестнице.

Зайцев со значением подмигнул Волгину, но тот только плечами пожал.

– Да ты не тушуйся, капитан! Я бы на твоём месте – ух!.. На войне, небось, не до романов было. Вот лично я бы хотел, чтобы такие красотки обращали на меня внимание, – доверительно сообщил Зайцев. – Но не везет.

Он вздохнул и улыбнулся детской улыбкой.

– Она американка, – сказал Волгин.

– Кто? Артистка?

– Нет. Вот эта девушка.

– Ну и что?

– А-ме-ри-кан-ка! – раздельно повторил Волгин, и Зайцев наконец сообразил.

Перед командировкой в Нюрнберг их всех инструктировали насчет взаимоотношений с представителями других государств. Надо быть дружелюбными, но ухо держать востро. Могут быть провокации, в число разноязыких представителей прессы или военных наверняка проникнут те, кто рабо-

тает на вражескую разведку.

– Да, это проблема, – с грустью сказал Зайцев. – Всегда задаю себе вопрос, почему это люди не могут любить друг друга, невзирая на национальные и классовые различия? Вот почему?

– Потому что мир так устроен! – обрезал Волгин. – И не надо задавать себе глупых вопросов.

В «аппендиксе» у входа в зал заседаний стрекотали кинокамеры и горели прожектора. Кинодива стояла в плотном кругу журналистов и фотографов, а те наперебой, перекрикивая друг друга, интервьюировали знаменитость.

Зайцев и Волгин не могли не остановиться.

Волгин вглядывался в безупречное лицо артистки. Она была значительно старше, чем на экране, но выглядела все равно бесподобно.

– Я ждала этой встречи пятнадцать лет, – блистая жемчужной улыбкой, говорила звезда, свободно переходя с английского на немецкий и обратно. – Должна признаться, я всегда мучилась на чужбине. Меня всегда тянуло обратно. Я отвыкла от звучания родного языка. Я устала от дежурного обращения «мисс». Теперь я наконец могу сказать на немецком: «Здравствуй, свободная родина!» А еще... если бы вы знали, как приятно, когда к тебе обращаются просто по имени!..

– Если так, я могу вас называть Грета? – подался вперед низенький человечек с блокнотом в руке. Он говорил на

немецком.

Звезда неприязненно взглянула на нахала, но тут же изобразила благосклонность.

– Безусловно. Именно так меня и зовут, если вы не в курсе.

Журналисты посмеялись шутке. Вежливо хохотнул и низенький человечек. Он дождался, когда шум стихнет, и продолжил:

– Грета, вы давали концерты для американских солдат на фронте. Не для немцев. Разрешите поинтересоваться: что заставило вас выступить на стороне противников Германии?

– Чувство приличия, – холодно отрезала дива на английском.

Собравшиеся зааплодировали.

– Что, что она сказала? – забеспокоился Зайцев, и Волгин перевел. Зайцев выразительно воздел брови.

– Не считаете ли вы, что исход судебного процесса предрешен? – продолжал тем временем допытываться низенький. – Это же преступники, разве нет? Их вина очевидна для всего мира.

– Вероятно, вы не знакомы с американской судебной системой, – принялась растолковывать звезда. – Насколько мне известно, именно эта система будет лежать в основе нынешнего судопроизводства. Так вот, пока вина человека не доказана, вы не можете называть его преступником. Если адвокаты сумеют доказать невиновность подсудимых, то под-

судимые будут отпущены на свободу. Таковы правила демократии.

Она столь безупречно произнесла это, что Волгин против воли подумал: она выучила все заранее, чтобы произвести впечатление.

– Грета, вы верите, что такое может случиться?

Кинодива помрачнела, сдвинув брови к переносице.

– Я знаю, – она перешла на немецкий и интонацией выделила слово «знаю», – я знаю, что такое может случиться. Именно поэтому я здесь. Я не хочу, чтобы преступники оказались на воле. Убийцы должны быть наказаны. Но судебное разбирательство может повернуть в самом неожиданном направлении...

Журналисты переглянулись между собой. Им и в голову не приходило, что перспектива оправдательного приговора вполне реальна.

Из толпы откуда ни возьмись вынырнула рыжеволосая, которая едва не сшибла Волгина минутой ранее. Кажется, это было ее обычное свойство: появляться будто из-под земли и тут же атаковать.

– Нэнси Крамер, корреспондент «Stars and strips», – представилась рыжеволосая. – Признаться, я впечатлена вашими познаниями в области американской юриспруденции. Вам бы на судах где-нибудь в Калифорнии выступать. Но все-таки вы здесь. Надо ли понимать, что вы покинули Америку и возвращаетесь в Германию насовсем?

– Я живу в большом мире, и для меня очень важна возможность путешествовать и работать в разных странах, – уклончиво ответила Грета.

– Читатели газеты интересуются вашей личной жизнью...

– Моя личная жизнь принадлежит мне, и только мне.

– У вас есть родственники в Германии, верно?

Звезда метнула на журналистку быстрый взгляд. В следующее мгновение она взяла себя в руки, и на ее лице вновь возникло дружелюбное выражение.

– К несчастью, моя мать умерла совсем недавно, – со вздохом сообщила она. – Теперь у меня не осталось никого.

– Тогда зачем вы приехали?

– Я уже ответила на этот вопрос. Я хочу быть свидетелем такого важного события, как международный трибунал...

– То есть вы будете просто зрительницей?

– Я никогда не бываю просто зрительницей, – отрезала звезда. – Я актриса. В честь открытия трибунала я дам большой концерт на центральной площади города. Я хочу, чтобы люди опять могли улыбаться, слушая хорошие песни.

Волгин вполголоса продолжал переводить Зайцеву, поскольку эта часть диалога велась на английском, а Зайцев, как помнил Волгин, знал только немецкий.

– Вы полагаете, трибунал – подходящее место для подобных развлечений? – поинтересовалась Нэнси с ехидной улыбкой.

Грета пристально поглядела на нахальную журналистку:

– Я буду петь для моих соотечественников, которые устали от войны и хотят мира, – сказала она. – Я буду петь для всех, кто одержал победу над фашизмом и над этим чудовищем – Гитлером. Я буду петь для немцев, американцев, англичан, русских... – Ее взгляд скользнул по толпе и остановился на Волгине. Грета тонко улыбнулась, и голос ее стал чарующим. – Насколько мне известно, в Нюрнберге сейчас много русских, которые столько сделали для того, чтобы война закончилась...

Нэнси проследила за ее взглядом и вскинула плечиком.

Волгин почувствовал себя не в своей тарелке.

– Пошли, – сказал он Зайцеву и первым направился к лестнице, ведущей на балкон.

10. Зал 600

Ослепительно-яркий искусственный свет ударил в лицо. Волгин даже вынужден был помедлить несколько мгновений, прежде чем ему удалось осмотреться.

Зал 600 был одним из самых больших помещений Дворца правосудия. Однако и тут не хватило бы места, чтобы разместиться всем желающим участвовать в международном трибунале.

Поэтому в течение нескольких предшествующих месяцев по специальным чертежам зал перестраивался. Были заменены благородные деревянные панели на стенах и отреставрированы малахитовые скульптурные группы над входными дверями; под потолок навесили огромные светильники, позволявшие вести фото- и киносъемку без дополнительных осветительных приборов.

И самое главное – помещение раздвинули в длину, увеличив количество гостевых мест, а в дополнение надстроили просторный балкон, с которого как на ладони можно было наблюдать происходящее.

В первом ярусе, по правую руку, находился на возвышении массивный судейский стол. Позади, как и на фасаде дворца, красовались флаги стран-победительниц.

Напротив судейского стола у противоположной стены размещалась выгородка с двумя рядами скамей. Это было ме-

сто для подсудимых. А перед выгородкой стояли канцелярские столы, на этих столах раскладывали бумаги и писчие принадлежности люди в адвокатских мантиях.

Рядом стенографистки налаживали свои тяжелые, будто пульта управления, аппараты, а у дальней стены в стеклянных кабинках, готовясь к работе, возились переводчики. Вдоль стен и на входе прохаживались солдаты в парадной форме с белыми дубинками в руках.

Публика – и гости процесса, и его участники – неспешно рассаживались по местам. Они переговаривались, пожимали друг другу руки, улыбались, знакомились.

Волгин увидел Мигачева, который в дверях зала столкнулся с американским полковником – тем самым, который конфликтовал с Мигачевым в первый день, когда Волгин появился во Дворце правосудия. Зайцев успел ему шепнуть, что полковник этот – крайне неприятный субъект, фамилия его Гудман, и он здесь только затем, чтобы доставлять неприятности советской делегации.

Мигачев сухо кивнул Гудману, тот недовольно покосился на советского полковника и ничего не ответил. Оба уселись в соседние кресла и отвернулись друг от друга.

А гости все прибывали и прибывали. Присутствующих было очень много. «Не менее четырех с половиной сотен человек, – отметил про себя Волгин. – Действительно, большое событие – этот военный трибунал».

Он вновь поморщился от резкого, неприятного света, ко-

торый излучали из-под потолка гирлянды светильников.

Огромные окна занимали целую стену зала 600, однако они были завешены плотной темной тканью, не пропускавшей слабые лучи осеннего солнца и полностью скрывавшей пейзаж снаружи.

Волгин понимал, что это было сделано не из пустой осторожности: для опытного снайпера не составило бы труда даже с большого расстояния «снять» любую из фигур внутри помещения. В городе действуют недобитые нацисты, только и мечтающие о том, чтобы сорвать трибунал. А что может быть более действенным средством для срыва международного процесса, чем гибель прямо в зале суда, на глазах у сотен гостей, какой-нибудь важной персоны из числа свидетелей или подсудимых, а то и судей?.. Так что любые, даже кажущиеся абсурдными, меры предосторожности сейчас вовсе не излишни.

Прозвучал резкий сигнал.

– Господа, – гортанно произнес клерк сначала на немецком языке, затем на английском, – прошу занять места! Заседание начинается.

Зайцев, усевшийся на галерке, уже махал Волгину рукой. Волгин опустился на стул рядом.

– Ну вот, – услышал он знакомый голос, – отсюда же ничего не видно, надо было занимать места заранее.

Это была рыжая Нэнси, расположившаяся позади Волгина.

– Я тебя торопил, – насупился ее спутник-фотограф. – Но ты же в своем репертуаре: хлебом не корми, дай подколоть эту заезжую знаменитость. Ну, и чего ты добилаешься?..

– Тэджи, не ворчи, – оборвала его Нэнси и бросила короткий взгляд на Волгина.

Тем временем сама «заезжая знаменитость» усаживалась впереди, в окружении охранников. Ее огромная шляпа вмиг закрыла обзор. Зайцев развел руками: кинозвезда, ничего не поделаешь!

Гудение зала понемногу стихло. В воцарившейся тишине что-то лязгнуло, и в стене за скамьей подсудимых отъехала в сторону узкая дверь. Из нее сначала появились два охранника и встали по обе стороны дверного проема, затем показалась довольно тучная фигура в сером армейском френче.

Зайцев тихонько присвистнул.

– Геринг, – прошептал он.

Вытянув шею, Волгин вглядывался в лицо человека, который был ответствен за гибель десятков миллионов, за пылающий ад войны, охватившей целый континент.

Выражение лица одного из главных нацистских бонз осталось невозмутимым. Он даже не взглянул в зал. Казалось, он ведет себя так, будто явился на заседание подведомственного ему комитета и чувствует себя здесь полновластным хозяином. На губах его играла уверенная полуулыбка.

Сжимая под мышкой папку с бумагами, Геринг деловито прошел в первый ряд и уселся с краю.

– Грязная свинья, – громко произнесла Грета. Окружающие поглядели на нее с обожанием.

Немного погодя дверца за скамьями подсудимых отворилась вновь. Волгин понял, что дверца скрывала кабину лифта, в которую по одному заводили заключенных где-то в недрах здания, а затем поднимали в зал 600.

Поочередно скамью стали занимать те, чьи имена в течение нескольких лет появлялись в советских газетах на первых полосах, те, одно упоминание о которых приводило в ужас и трепет, вызывало негодование и ненависть.

Гросс-адмирал Дениц, объявленный Гитлером своим преемником в последние дни войны; заместитель фюрера по НСДАП Гесс, доставленный с Туманного Альбиона, где он отбывал заключение последние несколько лет, пока в Европе пылала война; рейхсминистр иностранных дел Риббентроп, прозванный «хитрой лисой» за изворотливость и демонстративную непорядочность в международных делах; заносчивый вояка генерал-фельдмаршал Кейтель; кровавый мясник генерал-губернатор Польши Франк; редактор бесноватой антисемитской газеты «Штурмовик» Штрейхер... и другие, теперь уже бывшие деятели Третьего рейха.

Они рассаживались на скамьях, приветственно кивали друг другу или же отворачивались, не желая узнавать. Все крупные фигуры нацистской Германии были здесь – все, кроме главного виновника катастрофы, чьи обгорелые останки лицезрел Волгин в грязном рву неподалеку от вхо-

да в бункер рейхсканцелярии. Бесноватый фюрер сумел-таки избежать прилюдного наказания.

Появление обвиняемых сопровождалось гробовым молчанием. В зале повисла тягостная, мучительная тишина.

Однако когда из дверей лифта появился начальник оперативного управления Верховного командования вооруженных сил Третьего рейха генерал-полковник Йодль, на балконе произошло движение: невысокая женщина с заостренными чертами лица подскочила к перилам и принялась отчаянно махать рукой.

– Альфред! – закричала она, – Альфред, я здесь!

К ней подскочили солдаты охраны.

– Я жена Альфреда Йодля, – вскинув голову, с достоинством сообщила женщина, – я должна поддержать мужа.

Ее вывели из зала, но она продолжала нервно твердить, что имеет право высказываться.

Волгин проводил ее взглядом. Он поймал себя на мысли, что жена массового убийцы выглядит как обычный человек. Вероятно, она и не должна выглядеть иначе, а все-таки привычный штамп восприятия подсказывал, что это должно быть особое существо: отталкивающее, отвратительное. Ничего похожего нельзя было сказать о жене генерал-полковника Йодля.

Да и подсудимые выглядели как обычные люди. У них были обычные лица, чуть осунувшиеся и бледные веки, припухшие от недосыпа. Обвиняемые негромко перешептыва-

лись меж собой, изредка мягко улыбаясь друг другу.

Волгин вглядывался в них с замиранием сердца. Он чувствовал, понимал, что каждый из них не только соавтор трагедии, постигшей бо2льшую часть человечества, но также причастен и к гибели его семьи – семьи Волгиных, о существовании которой подсудимые не имели ни малейшего представления, но при этом безжалостно растоптали ее, как и миллионы других. Им было не до отдельных семей и не до отдельных человеческих жизней.

– Встать, суд идет! – объявил клерк.

Все поднялись. Правая дверь в дальней стене отворилась, и в зал вошла небольшая процессия.

Открывали ее представители французского правосудия – судья Де Вабр и его помощник. Округлое лицо Де Вабра украшали солидные, свисающие книзу усы, делавшие его похожим на персонажа из сказки.

За Де Вабром двигался сухощавый американец Биддл. Именно его досужая молва назначила на пост председательствующего на суде; для таких целей он даже привез с собой раритетный церемониальный молоток. Однако затем было объявлено, что главой суда станет англичанин – известный юрист лорд Лоренс.

Биддл великодушно вручил свой раритет лорду Лоренсу, а через два дня после начала заседаний молоток бесследно исчез. Пропажа реликвии вызвала множество пересудов, происшествие назвали «первой кражей на процессе века».

Впрочем, это случится позже. Пока же величавый лорд двигался к креслу председателя, и молоток лежал на полагающемся ему месте. Лорд Лоренс был лыс, круглоголов, на его переносице посверкивали очки в тонкой оправе. Из-под очков он оглядывал зал и скамью подсудимых, но лицо его при этом не выражало ничего, кроме спокойствия и невозмутимости.

Замыкали процессию представители Советского Союза – Иона Никитченко и Александр Волчков. Оба они, в отличие от остальных судей, облаченных в мантии, были в военной форме.

Лорд Лоренс дважды ударил церемониальным молотком и произнес, обращаясь к скамье напротив:

– Прошу каждого из подсудимых выйти к микрофону и сообщить, признают ли они себя виновными в предъявленных им обвинениях. – Председательствующий выдержал паузу и со значением произнес: – Герман Вильгельм Геринг.

Присутствующие в зале прильнули к наушникам. Возле каждого кресла было оборудовано гнездо с наушниками, и каждый гость мог выбрать, на каком языке слушать перевод: на русском, английском или французском...

Волгин невольно улыбнулся: ему перевод не требовался – ни с английского, ни с немецкого. Он с удовольствием отложил наушники в сторону и поглядел на скамью подсудимых.

Геринг протиснулся мимо товарищей в центр выгородки, где солдат уже успел установить микрофон. Микрофон по-

шатывался, его приходилось придерживать.

Геринг распахнул папку с бумагами.

– Прежде чем ответить на вопрос высокого суда, признаю ли я себя виновным... – надменно начал он. Но начатый спич прервал голос Лоренса:

– ...подсудимым не разрешается делать заявления. Для этого вам будет предоставлено специальное время. Вы должны лишь сказать, признаете вы себя виновным или нет.

Геринг, кажется, был удивлен. Он не привык, чтобы его перебивали. Насупясь, он выслушал председательствующего, прижав к уху наушник, а затем рывкнул:

– Я не признаю себя виновным в том смысле, в котором мне предъявлено обвинение.

И вернулся на место с раздраженным видом.

Следом за Герингом к микрофону поочередно подходили остальные обвиняемые, и каждый эхом повторял за другими:

– Невиновен...

– Невиновен...

– Невиновен.

– Вот ведь мерзавцы, – не выдержала Грета. – А поглядеть на них, кажется, они думают, что они национальные герои!..

Со всех сторон согласно закивали.

Волгин задумчиво поглядел на плавно колыхающуюся шляпу Греты, потом наклонился к Зайцеву.

– Ты слышал? У нее сегодня концерт на площади.

– Ага, – подтвердил Зайцев. – Любишь музыку?

– Нет, – сказал Волгин, – не в этом дело.

– А я б сходил, но Мигачев, как назло, делами нагрузил. –

Зайцев досадливо поморщился. – Жаль!

– Как считаешь, там будет много народу?

– Шутишь! – тихонько засмеялся Зайцев. – Это же такое событие!.. Весь город будет! Наверняка не протолкнуться. А что?

– Да ничего. Просто спросил...

– Ты никогда не спрашиваешь просто так.

– Не отвлекайся, – сказал Волгин.

Он уже знал, что обязательно придет на концерт.

11. Концерт

Площадь до краев была полна народу. Здесь были и горожане, и солдаты союзных войск, чаще других встречались американцы. Кто-то из зрителей приволок из дома благородные венские стулья с изогнутыми спинками, кто-то соорудил скамью, положив доски на кирпичи.

В отдалении плотной группой под надзором охранников топтались немецкие солдаты из числа военнопленных.

На тяжелых грузовиках были расставлены огромные армейские прожектора, они, вспарывая ночь, освещали наскоро сколоченный дощатый помост, над которым вместо занавеса была развешана парашютная ткань.

Справа от помоста разместился небольшой оркестрик. Музыканты листали ноты и настраивали инструменты, пианист наигрывал легкую мелодию на разбитом пианино, которое невесть откуда раздобыли специально для этого вечера.

Волгин протискивался сквозь плотную толпу, разглядывая собравшихся и вслушиваясь в многоязыкую речь. Столько лиц – и молодых, и старых, и мужских, и женских. Но Кольки среди них не было.

Перед сценой расположились фотографы и журналисты. Нэнси была в первых рядах, она цепким взглядом моментально выхватила Волгина из толпы.

Перед журналистами выступал уже знакомый Волгину

герр Швентке. Завидев капитана, он приветственно приподнял шляпу, продолжая говорить.

– Это и есть возрождение нации, – говорил Швентке, – когда к нам возвращается наша самая известная артистка и дает бесплатный концерт для жителей города. Мы мечтали об этом столько лет!..

Пианист сменил ритм и принялся играть бравурное вступление. Трубы и скрипки подхватили.

Лучи зашевелились, импровизированный занавес осветился изнутри, на нем возникла огромная, но при этом изящная тень. Тень двинулась, уменьшаясь в размерах, и вот уже можно различить очертания грациозной фигуры.

Тень вскинула руки кверху – парашютная ткань упала на пол. Перед собравшимися во всем своем блеске, в роскошном боа из страусиных перьев, в сверкающем длинном платье возникла Грета, сияя еще более ослепительной, нежели в коридорах Дворца правосудия, улыбкой.

Что и говорить, выглядела она сногшибательно.

Она смотрела на зрителей, и взгляд ее будто говорил: я люблю вас, я люблю каждого из вас, я счастлива, что вы здесь, и я здесь, и мы вместе.

Однако аудитория не разделяла ее восторга. На площади воцарилось молчание, и лишь несколько жидких хлопков раздалось из разных ее концов. Это аплодировали американские солдаты. Сотни глаз буравили диву мрачными взглядами.

Пряча неловкость, Грета раскланялась и кивнула аккомпаниатору. Тот вновь заиграл вступление.

Грета запела о любви.

Волгин замер, досадуя, что не успел обойти площадь вдоль и поперек. Теперь уже казалось невежливым пробираться в толпе и заглядывать в лица собравшимся.

Оставалось лишь вертеться на месте в надежде, что скользящие по площади лучи прожекторов выхватят из темной человеческой массы лицо Кольки.

Его внимание привлекла миниатюрная девичья фигурка, затесавшаяся среди крупных, массивных фигур бургеров. Волгин и сам не знал, что его привлекло в этой миловидной, скромно одетой, ничем особым не выделявшейся девушке.

Возможно, выражение лица...

Хотя Волгин видел лишь профиль, однако его заворожили трепетность и благоговение, с которым юная зрительница внимала артистке.

Девушка молитвенно сложила на груди руки, глаза ее сияли.

Вдруг из толпы раздался резкий свист, девушка вздрогнула, будто воспрянув от прекрасного сна, и с удивлением оглянулась вокруг.

– Предательница! – крикнул кто-то. – Американская подстилка!

Эти слова, без сомнения, адресовались Грете.

– Убирайся к своим джонам, – подхватил другой голос.

Грета побледнела, тень смятения промелькнула на ее лице. Волгин видел, что ей стоило больших усилий сохранить улыбку. Она продолжала петь, вытягиваясь перед микрофоном в струну.

Музыканты растерянно озирались по сторонам.

Толпа неистовствовала. Свист и крики усиливались.

Собравшись в единую массу, зрители перестают быть отдельными людьми, они превращаются в часть целого, и это целое диктует изменения в настроении и поведении. Благопристойный буржуа способен превратиться в необузданного бунтаря и ниспровергателя, окажись он в соответствующем окружении и напитайся соответствующей энергией.

Вот так и сейчас: благожелательная публика на глазах превратилась в бушующее море, и эта разъяренная стихия готова была разрушить все вокруг, но главное – растерзать виновницу торжества, в одиночестве стоящую на дощатом помосте под перекрестным огнем пылающих лучей прожекторов.

Волгин невольно взглянул в сторону миловидной девушки и увидел испуг и замешательство, граничащие с болью. Юная зрительница уже не слушала артистку, она осматривалась по сторонам, как человек, внезапно обнаруживший, что он оказался посреди свирепой стаи.

Бюргеры орали и свистели, а американские солдаты, которые поначалу недоуменно озирались на местных, вошли в раж и стали азартными воплями и гиканьем подбадривать

Грету, только усиливая шум и возмущение в толпе.

«Ты для меня один на белом свете, ты мой единственный рыцарь и принц!» – пела Грета, но в голосе ее уже не было нежности. Она выкрикивала слова песни, будто это был военный марш. Казалось, теперь ей даже нравилось то, что происходит на площади. Она расправила плечи и раскинула в стороны руки, будто пыталась обнять, а может, и усмирить публику.

Волгин вновь взглянул в сторону, где находилась миловидная девушка, но никого не увидел. Юная зрительница исчезла.

«Жаль», – подумал Волгин и сам удивился этой мысли. Почему он должен был жалеть об исчезновении человека, которого и разглядеть-то толком не успел?..

В этот момент кто-то с разбегу ткнулся в его плечо. Огромные распахнутые глаза глядели на Волгина.

– Простите, – пролепетала девушка на чистом русском языке. – Извините, пожалуйста!

И она торопливо пошла прочь.

Волгин глядел на ее растворяющуюся в толпе фигурку, а потом вдруг сорвался с места и поспешил следом.

Он не понимал, зачем он пошел за этой девушкой. Возможно, просто потому, что ощутил – это судьба.

12. Лена

Свернув за угол, Волгин будто очутился на другой планете.

Здесь уже не было прожекторов и режущих снопов света, а свист и улюлюканье враз отодвинулись куда-то и стали едва слышны.

Вокруг царило мрачное и величественное безмолвие. Обломки стен с пустыми глазницами окон вздымались вверх. Некоторые из них явственно напоминали ощерившиеся акулы зубы.

Волгин прошел сквозь полуразрушенную арку. Незнакомки и след простыл.

Внезапно он услышал легкое постукивание камушков, осыпавшихся под подошвой. Он заглянул в щель в стене и увидел ту, которую искал.

Девушка проворно и легко взобралась по куче щебня к покосившейся двери. Она извлекла из кармана что-то светлое, похожее на обрывок бумаги, и, оглядевшись по сторонам, осторожно опустила в разбитый ящик.

После этого девушка вновь огляделась по сторонам, нервно поправила волосы, стремительно спустилась вниз и исчезла из поля зрения. Легкий шелест шагов растаял в темноте.

Волгин задумчиво постоял несколько мгновений и направился восвояси. Он свернул за угол и... столкнулся с незна-

комкой лоб в лоб. Она вскрикнула и отшатнулась.

– Вы меня напугали! – выдохнула она.

– Простите, я не хотел...

Недоверчиво оглядев Волгина, девушка развернулась и пошла прочь.

Он нагнал ее.

– Да вы не бойтесь! Я свой! Советский. – Волгин широко улыбнулся и протянул открытую ладонь: – Меня Игорь зовут.

– Лена, – помедлив, представилась девушка.

– Разрешите, я вас провожу?

– Зачем?

– Просто так. Хороший вечер. Еще теплый. И можно прогуляться.

Лена пожала плечами, что можно было расценить двояко: вроде как «да» не сказала, но и не ответила отказом.

Она медленно двинулась по полуразрушенной пустынной улице. Вдалеке опять загремел оркестр.

– Вам не понравился концерт? – поинтересовался Волгин.

– Почему? Понравился... Она талантливая. Очень хорошо поет. С внутренней силой.

– Тогда отчего вы ушли?

– Не могу смотреть, как они ее травят. Зачем так травить человека? – она подняла на Волгина полные боли глаза. – Если бы вы знали, что они кричат...

– Я знаю. Я переводчик.

Взгляд Лены скользнул по капитанским погонам на шинели, и губы тронуло некое подобие улыбки.

– Военный переводчик, – поспешил добавить Волгин. – Немецкий – мой второй язык. А вы давно здесь?

– Как все, – неопределенно ответила девушка.

Волгин рассматривал ее профиль. Она нравилась ему все больше и больше. У нее были печальные лучистые глаза и пухлые, почти девчоночьи губы, которые она то и дело облизывала, прежде чем ответить собеседнику. Ее хотелось обнять и согреть.

– А вы почему ушли с концерта? – спросила девушка.

– Я там вообще был случайно.

– Вот как?

– Я ищу одного человека, а там так много народу, на площади...

– Нашли?

– Пока нет, – огорченно сказал Волгин, и вдруг в голову ему пришла новая идея: – А может, вы о нем слышали? Николай Волгин. Это мой брат.

Лена неуверенно покачала головой.

– Не слышала, – ответила она. – Я тут вообще мало с кем знакома.

– А вы из делегации?

– Нет.

– А откуда?

Лена помедлила, потом посмотрела на Волгина:

– Я... я на заводе работала.

– На каком еще заводе? – удивился Волгин.

– На здешнем...

Он замер.

– На немцев, что ли?

Даже в темноте было видно, как побледнела девушка.

– На немцев?! – переспросил Волгин, и в голосе его зазвенела металлическая нота.

– Игорь, вы не поняли...

– Да все я понял!

– Это совсем не то, о чем вы подумали, – пролепетала Лена. – Нас угнали, понимаете... Тут таких много было – угнанных, пленных...

– «Угнанные, пленные», – резко перебил ее Волгин. – Это ты кому-нибудь другому расскажи. Кто хотел, тот сражался. А все угнанные и пленные – предатели. – Он надвинулся на девушку. Она стояла перед ним, растерянная и испуганная, а он нависал сверху, как скала, глядя со злостью и почти с безразличием. – Предатели, слышишь! Вроде тебя.

Волгин развернулся и пошел прочь. Тяжелые шаги чеканно отдавались эхом среди руин.

Лена смотрела на его удаляющуюся спину, и губы ее подрагивали – то ли от обиды, то ли от боли.

13. «Я тебя люблю!»

Американский обвинитель Джексон являл собой образец настоящего янки. При этом янки в высшей степени интеллигентного и учтивого.

Всю жизнь он посвятил юриспруденции, начав заниматься самостоятельной практикой уже в двадцать один год. До этого он успел потрудиться помощником юриста в небольшой конторе, а также отучиться в школе права в Олбани.

Он шаг за шагом строил отличную карьеру, поднимаясь вверх по служебной лестнице, обретая уважение клиентов и коллег.

В начале 1940-х, еще не достигнув пятидесятилетнего возраста, он получил пост генерального прокурора Соединенных Штатов, но уже через год занял освободившееся место судьи в Верховном суде.

Джексон считался одним из самых авторитетных юристов своего времени, и поэтому ни для кого не стало неожиданностью, что именно его президент США Трумэн, сменивший на этом посту скончавшегося Рузвельта, назначил главным обвинителем от Соединенных Штатов на Нюрнбергском процессе.

Деятельный Джексон не ограничился представительскими функциями; он даже принял участие в написании устава Международного военного трибунала, чтобы сформули-

ровать основные принципы подхода к предстоящему событию.

В зале суда он говорил уверенно, четко, и в голосе его чувствовался напор.

Джексон стоял у трибуны, слегка облокотившись на нее руками, и громко шелестел бумагами.

– Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если только они повторятся. – Джексон пролистнул текст речи. – Этот трибунал, хотя он и представляет собой нововведение и эксперимент, не является результатом абстрактных рассуждений, он не был создан для того, чтобы оправдать правовые теории. Это судебное разбирательство отражает практическое стремление четырех великих держав, поддержанных семнадцатью другими странами, использовать международное право для того, чтобы противодействовать величайшей угрозе нашего времени – агрессивной войне...

Судьи внимательно слушали. Француз Де Вабр задумчиво покусывал ус. Лорд Лоренс что-то чертил на листе бумаги, лишь изредка поднимая глаза на Джексона. Казалось, он полностью сосредоточен на звуках голоса главного обвинителя от США и ему мешает созерцание Джексона. А судья от СССР Никитченко, напротив, не столько слушал перевод, доносившийся из наушников, сколько внимательно рассмат-

ривал выражение лица выступающего. Чувствовалось, что эмоции Джексона в этот момент были для него важнее, чем смысл доклада. Смысл этот был для Никитченко и так понятен.

Зал был полон и внимал каждому слову. На лицах собравшихся отражались внимание и острое напряжение.

Зато подсудимые сидели вальяжно и шепотом переговаривались между собой, словно происходящее в зале суда их не касается вовсе.

Геринг укутал ноги в серое солдатское одеяло, уткнул лицо в ладонь и, кажется, размышлял о своем. Кривая насмешливая улыбка подрагивала на его губах.

Тем временем Джексон продолжал:

– Мы представим вам неопровержимые доказательства невероятных событий. В списке преступлений будет все, что могло быть задумано патологической гордостью, жестокостью и жадой власти...

Волгин сидел на галерке и слушал речь Джексона, при этом рассматривал подсудимых. Он поражался их самоуверенности.

«Должен же быть в человеке стыд, – думал Волгин, – должен же быть стыд за содеянное? Неужели они не понимают, что совершили? Неужели не осознают, что на их совести гибель и бесчисленные страдания миллионов людей? А если понимают, то почему улыбаются друг другу, словно собрались здесь, в нюрнбергском Дворце правосудия, на легкую и

приятную вечеринку?..»

Эти мысли мучили Волгина днем и ночью – с того самого момента, как он впервые увидел обвиняемых в зале суда. Прежде эти люди казались ему чем-то мифическим, абстрактным – но теперь они были вполне конкретны и осязаемы, а стало быть, на них распространяются все человеческие правила и законы. Почему обвиняемые решили опровергнуть, опрокинуть их?..

Полковник Мигачев разрешил Волгину присутствовать на заседаниях трибунала и даже выдал специальный гостевой пропуск.

– Сейчас для тебя дел нет, капитан. Если понадобится, позову. А пока можешь послушать, что там происходит, на суде. Детям своим потом рассказывать будешь, – сказал Мигачев, когда Волгин явился к нему с просьбой о задании.

– Даже перевести ничего не надо? – сделал попытку Волгин. – Вон у вас сколько бумаг-документов...

– Иди-иди, – добродушно выпроводил его из кабинета полковник. – Наслаждайся мирной жизнью, разведка.

Так Волгин оказался среди завсегдаев процесса. Невдалеке от него всегда сидел герр Швентке, который раскланивался при виде капитана и кивал ему, как старому знакомому.

С другой стороны и тоже недалеке обычно располагались вездесущая журналистка Нэнси и ее постоянный спутник-фотограф.

Они мило препирались меж собой, при этом Нэнси то и дело бросала заинтересованные взгляды на Волгина, дразня и раздражая тем самым своего приятеля. Тэд ревновал. Он злился и пыхтел, и жгучий, почти детский румянец поднимался от шеи к его пухлым щекам.

А ниже, в первом ряду, всегда сидела Грета в окружении охранников. Казалось, ничего не переменилось в ней после злополучного концерта; вот только спину она держала еще прямее и все время молчала. Никаких реплик. Никаких комментариев. Грета молчала и наблюдала.

Лишь однажды Волгин заметил, как напряглась она, когда в зал вошел американский полковник Гудман. Навстречу ему двигался Мигачев. Они оба посмотрели друг на друга, лица их окаменели. Как вежливые люди, они сдержанно кивнули друг другу – Мигачев первый, затем его примеру последовал американец – и тут же разошлись в разные стороны.

Волгин увидел, как Грета подалась вперед и принялась бурлить Гудмана взглядом. Тот поднял на нее глаза, застыл на мгновение, но потом насупился и ретировался куда-то под балкон. Грета с досадой прикусила губу.

В тот момент Волгин поймал себя на мысли, что полковника и киноартистку сближает какая-то тайна, но какая?..

– Перерыв заседания до завтрашнего утра, – объявил лорд Лоренс, захлопывая папку с бумагами. Участники и гости процесса потянулись к выходу.

Волгин вышел на улицу, плотнее запахивая шинель. Гости и участники процесса растекались по сторонам, негромко обсуждая происходившее на процессе и делясь впечатлениями.

– У меня подозрение, что в конце концов их просто выпустят, – сказал американский чин своей спутнице, проходя мимо Волгина. – Их вину невозможно доказать. Даже если они отдавали чудовищные приказы, сами-то, своими руками, они никого не убивали. Тут любой юрист голову сломает...

– А может, там уже все договорено, – предположила спутница. – Кайзер Вильгельм, затеявший Первую мировую, отделался домашним арестом. Они слишком спокойны. Я думаю, их предупредили, что все будет хорошо.

Волгин, нахмурившись, прислушивался к диалогу. Он предпочел отстать от парочки, иначе не выдержал бы и вступил в жаркий спор.

Удаляясь вместе со спутницей, американский чин продолжал витийствовать и размахивать руками.

Волгин миновал ворота и замер.

На углу нерешительно топталась тоненькая девичья фигурка. Он сразу узнал ее. Это была Лена.

Волгин поднял воротник и свернул в другую сторону. Ле-

на нагнала его и уверенно стала на пути.

– Игорь, – произнесла она. – Игорь, мне нужно с вами поговорить...

– Нам не о чем разговаривать.

– Послушайте, в прошлый раз вы меня неправильно поняли...

– Опять начинаете? – возмущился Волгин.

– Даже на суде человек может сказать слово в свое оправдание, разве нет? – настаивала Лена.

Журналистка Нэнси, выскочившая из Дворца правосудия, замерла на крыльце и стала наблюдать сквозь узорную ограду.

Нельзя сказать, что Нэнси понравилось то, что она увидела. Да, этот русский офицер был резок и холоден, но он так смотрел на девушку, что было понятно без слов: между ними происходит что-то личное. Было очевидно, они оба в напряжении, идет резкий, даже неприязненный разговор, – но это не разговор между чужими, незнакомыми людьми, это столкновение людей близких... слишком близких.

Тэд подошел к Нэнси сзади и, в свою очередь, стал наблюдать за ней. И ему тоже очень не понравилось то, что он увидел.

Нэнси напряглась, следя за ссорой тех двоих за оградой, ноздри ее подрагивали. Она напряженно кусала губу. Определенно, ей был интересен этот русский капитан. Нэнси никогда всерьез не интересовалась мужчинами, она интересо-

валась лишь работой и собой. А мужчинам Нэнси с веселым удовольствием морочила голову. Теперь же она вела себя необычно. Во всяком случае, Тэд никогда ее такой не видел.

Тем временем Волгин, не найдя достойных аргументов, с досадой рубанул рукой воздух, развернулся и двинулся по улице, оставив Лену посреди тротуара.

Она растерянно сделала несколько шагов, потом вдруг отчаянно крикнула ему в спину:

– Игорь! Да остановитесь же, упрямый вы человек! Послушайте! Я могу помочь вам найти вашего брата!

Волгин застыл как вкопанный.

– Что? – нервно поинтересовалась Нэнси. – Что она сказала, как ты думаешь?

– Наверное, «я тебя люблю», – съязвил Тэд.

Нэнси смерила фотографа ледяным взглядом и пошла прочь.

14. Портрет

Где в послевоенном городе можно что-то найти, обменять, купить, перепродать, стащить, наконец?

Конечно же, на черном рынке.

Здесь с раннего утра до поздних сумерек била ключом настоящая жизнь: продавцы торговались с покупателями, покупатели злились и умасливали продавцов, крутились мелкие воришки, звенело потертое столовое серебро из старинных закровов, примерялись новые пальто и платья, три старых пиджака шли по цене свежей буханки хлеба, дымились на кострах чаны с сосисками, гоготала домашняя птица, и стрекотали швейные машинки.

Нюрнбергский черный рынок стихийно возник на небольшой полуразрушенной площади за рекой, в стороне от основных дорог, что, с одной стороны, не очень удобно, поскольку для того, чтобы добраться, необходимо было потратить уйму времени; зато, с другой стороны, местоположение рынка гарантировало, что сюда нечасто будут заглядывать представители военной и гражданской полиции. Черный рынок жил собственной жизнью и не очень-то жаловал представителей контролирующих структур.

С правой стороны площади находились останки стены рухнувшего дома; над стеной чудом сохранилось старинное архитектурное излишество, что-то вроде узорного навеса,

охранявшего стену от дождей.

Стену избрали в качестве доски объявлений. Сотни, а может, тысячи листков трепыхались на студеном ветру. К некоторым были прикреплены фотографии. Люди искали потерявшихся близких. Как их еще было найти, когда газеты подобные объявления о розыске не публиковали, радиостанциям тоже было не до личных страданий и проблем миллионов разлученных соотечественников?

Многие остались наедине со своей бедой, каждый пытался одолеть ее по-своему. Случалось, что такое потрепанное ветром и дождями объявление вдруг соединяло, казалось, навсегда разорванные войной семьи.

Это давало надежду тем, кто безуспешно по всему свету пытался найти затерявшихся жен, мужей, братьев, сестер, детей.

Возле стены роился встревоженный люд. У некоторых в руках были фотографии.

«Вы не встречали этого человека?»

«Вам не знакомо это лицо?»

«Посмотрите, пожалуйста! Может, вы знаете, где она находится?»

Наблюдая за происходящим у стены объявлений, Волгин, пожалуй, впервые так явственно, так остро ощутил, насколько же не одинок он в своих поисках. Густая взвесь человеческой боли и надежды висела в наэлектризованном воздухе. Люди заглядывали в глаза друг другу, и в каждом взгляде

де читалось ожидание: а вдруг именно сегодня, именно сейчас случится то самое чудо, которого так ждешь и о котором мечтаешь; а вдруг, наконец, состоится долгожданная встреча с утраченным человеком? Или хотя бы возникнет зацепка, намек на то, где его отыскать.

Волгин вчитывался в косые, полуразмытые строки объявлений. Большинство было на немецком языке, но попадались объявления на английском и русском.

Волгин жадно раздвигал пальцами наползающие одни на другие листки. Но не мог обнаружить родное имя.

– Игорь! – позвала его Лена, вынырнув из людского водоворота, – идите сюда, тут еще на русском.

Он стремглав бросился на зов, прочел, отрицательно покачал головой. Увы.

– Может, связаться с этим человеком? – настаивала Лена. – Он ищет советского солдата. А если он знает что-то про вашего брата? К примеру, вдруг этот солдат служил с вашим братом?

– Здесь все ищут, – резонно возразил Волгин, – и если я буду говорить с каждым, кто ищет солдата, не останется времени на собственные поиски.

– А вы напишите объявление, – предложила она.

– Кто его здесь прочтет?

– Но вы же читаете! Напишите. Сюда многие приходят. А вдруг повезет?.. Напишите, напишите.

Рядом, на бочке, кто-то, придавив камнем, предусмотритель-

тельно оставил кипу чистых, аккуратно нарезанных листков бумаги. Лена протянула Волгину огрызок карандаша.

Капитан недоверчиво поморщился, но все-таки принялся писать:

«Ищу брата. Рядовой Николай Волгин. 24 года. Рост 180 см. Худощавого телосложения. Волосы темно-русые. Левша. На правом виске родинка...»

Он задумался. Что указать еще? Что бы такого написать, чтобы кто-то откликнулся и сказал, где ему искать Кольку?..

Наверное, надо говорить о внешности, но ведь за эти годы, пока они не виделись, внешность Кольки могла измениться, как изменилась она у самого Волгина. Надо бы о характере написать, но кто будет искать человека по чертам характера или по тем историям, которые произошли с ним в жизни и которые, в сущности, определяют, что это за человек?

Волгин досадливо покачал головой.

Ведь не напишешь же о том, как в детстве они дрались подушками в квартире у бабушки, Александры Михайловны, которую ласково называли Сашуля. Бабушка была строгим человеком, но при внуках сама превращалась в ребенка. Они втроем зарывались под теплое одеяло, и бабушка рассказывала то ли быль, то ли сказку про свою непростую жизнь. Над кроватью бабушки висели настоящие олени рога, и бабушка часто рассказывала, как гордый добычей папа однажды, еще очень молодым парнем, принес их с охоты.

О том не напишешь, как Колька однажды обиделся на

старшего брата и ушел из дому. Вместе с родителями Волгин безуспешно искал беглеца по окрестным дворам. На дворе стояли белые ночи, ленинградские мосты уже были разведены. Обнаружили Кольку лишь утром. Свернувшись калачиком и подложив ладонь под щеку, он безмятежно спал под одиноким деревом на берегу Невы.

О Колькином упрямстве не напишешь. Он с детства вбил себе в голову, что будет художником – настоящим, большим. Как Суриков. Или как Микеланджело. Сколько Волгин его помнил, Колька все время рисовал – то мелом, то углем на асфальте или стене, то цветными карандашами или красками. Он изображал все подряд: шпиль Петропавловской крепости, соседние дома, сказочных существ, дворовых собак. Однажды нарисовал самого Волгина, но, на взгляд Игоря, так плохо, что Волгин рассердился и в клочки порвал рисунок. Колька сказал, что все равно будет рисовать брата, потому что любит его. И так однажды нарисует, что Волгин повесит портрет на стену и будет благодарить его, Кольку. И будет гордиться. Волгин только посмеялся в ответ.

И о том не напишешь, как изменилась улыбка Кольки, когда в семье появилась младшая сестра, Надя. Улыбка стала взрослая, мудрая, Колька будто светился, когда брал на руки мурлыкающий комочек. Надюша родилась болезненной, никого к себе не подпускала, и только Колька мог ее баюкать, у него на руках она сразу успокаивалась. Мама с той поры прозвала Кольку «наша няня». Колька и Надю любил рисо-

вать, и Волгину казалось, что Надя действительно выходила на тех рисунках очень похожей.

– Обязательно напишите и на немецком, – посоветовала Лена. – Мало ли кто будет читать...

– Знаю, – буркнул Волгин.

На самом деле такая мысль не пришла ему в голову, а теперь Волгин пытался скрыть досаду. Это же очевидно, что здесь, в Нюрнберге, объявление надо писать на двух языках. А может, и на трех – на английском тоже ведь не помешает. Мало ли кто прочтет и откликнется.

Они обмазали липким клеем обломок диковинного грифона, выступавшего из стены, и прилепили объявление на лоб чудища.

Они не знали, что издалека за ними наблюдают.

Темная женская фигура стояла за покосившимся фонарным столбом, стараясь не привлекать внимания.

Это была Фрау, хозяйка квартиры, где обитал Волгин. Она сверлила недобрый взглядом капитана и его спутницу, а когда те затерялись в толпе, приблизилась к грифону и прочитала ту часть объявления, которая была на немецком.

«Ищу брата...»

Фрау оглянулась и, убедившись, что за ней никто не следит, отскребла бумагу от камня и швырнула под ноги.

Каблуком она втоптала объявление в грязь, мстительно улыбнулась и пошла прочь.

Тем временем Волгин и Лена двигались сквозь лениво гу-

дящую разноязыкую рыночную толпу.

Девушка задержалась у скамьи, на которой были разложены свежие продукты: хлеб, баночки с джемом, сметана, сочные яблоки... Она вынула из кармана и пересчитала смятые деньги. Немного поторговалась с немолодым усталым торговцем, и тот завернул что-то в промасленную газету.

У другого прилавка Лена долго перебирала пластинки в потрепанных конвертах, выбрала одну.

Волгин ждал, отойдя в сторону.

– Какой-то вы грустный, – сказала Лена, закончив покупки. – Неужели вы не умеете улыбаться?

– Разучился.

– Да вы не расстраивайтесь, найдется ваш брат. Кто-нибудь обязательно откликнется и подскажет. Здесь не все такие, как вы думаете.

– Какие такие? – спросил Волгин.

– Ну... – девушка помедлила, пытаясь найти слова, потом произнесла с безыскусной простотой: – Не все предатели.

Волгин невесело усмехнулся:

– Может, и так. Может, не все. А может, и не так. Вот вы, к примеру... – Он отступил на шаг и смерил спутницу взглядом с ног до головы.

– Что я? – поежилась она.

– Вы почему не возвращаетесь?

Лена не сразу произнесла:

– Это долгая история...

– Ну, так расскажите. Я не спешу.

Он в упор уставился на нее.

Лена замялась.

– Что же вы? – настаивал Волгин. – Мне действительно очень интересно, как это – жить в Германии, работать здесь на заводе во время войны и при этом не быть предателем? Завод-то небось был военным?

Девушка молчала. Волгин понимающе кивнул: значит, так оно и есть.

– Значит, трудились на военном заводе. Какие-нибудь снаряды делали. Против нас. А теперь говорите: не предатель...

Лена отвела взгляд и закусила губу.

– Игорь! – вдруг воскликнула она.

– Да, я слушаю. Объясните мне, – настаивал он.

– Игорь! – повторила Лена и указала рукой ему за спину. –

Посмотрите.

Волгин обернулся. Он не сразу нашел взглядом то, на что указывала девушка. А когда разглядел, то на мгновение оцепенел.

Он увидел... свое изображение. Обознаться было невозможно – это был он сам: улыбка во все лицо, непокорный выющийся чуб. И рубаха тоже была его – в неяркий цветной горошек. Он хорошо помнил эту рубаху. Ее подарила ему мама в день рождения как раз перед войной. Волгин и надеть-то ее успел всего пару раз, а рубаха ему была очень к

лицу.

Портрет Волгина был нарисован резкими, яркими мазками и заключен в грубую раму. Картину сжимала в руках невысокая женщина с цепким воинственным взглядом и нахрапистой повадкой.

– Триста марок! – по-вороньему выкрикивала женщина, заглядывая в глаза встречным, ведь каждый из них мог быть потенциальным покупателем. – Настоящее искусство. Не проходите мимо настоящего искусства. Эта картина украсит ваш дом. Покупайте! Всего за триста марок!

Волгин подскочил к торговке. Кровь прилила к лицу, в висках застучало.

– Откуда у вас это? – выпалил он.

– Триста марок, – оживилась торговка. Ей было достаточно короткого взгляда, чтобы понять: этот военный готов совершить сделку. – Работа известного художника. Очень ценная картина!

– Где вы взяли этот портрет? – рявкнул Волгин так решительно, что женщина попятилась назад. На ее гуттаперчевом лице появился неподдельный испуг.

– Игорь, остановитесь, вы ее пугаете! – воскликнула Лена на русском, а к торговке обратилась по-немецки: – Не бойтесь. Посмотрите: это он! Это он нарисован на картине, вы видите?..

Торговка недоверчиво взглянула на Волгина, потом на портрет.

– А и правда, – удивилась она, и в ее душе всколыхнулась тревога: а вдруг эти люди предъявят права на картину, и что тогда делать? Торговка внутренне собралась, чтобы отразить возможную атаку.

– Эту картину нарисовал его брат, – сказала Лена. – Он художник. Мы ищем его. Вы что-нибудь знаете об этом художнике?

– Я не знаю никакого художника.

– Тогда откуда у вас эта картина?

– Она моя, – насупилась торговка. – Я ее купила. Эта картина принадлежит мне, и я могу делать с ней, что захочу.

– Где вы ее купили? – спросил Волгин.

– Где-где... в лагере. На распродаже.

– Вы можете рассказать поподробнее? – ласково произнесла Лена, делая знак Волгину, чтобы он не вступал. – Что за лагерь, что за распродажа?

– Лагерь как лагерь. Там была распродажа, я купила две кастрюли и вот эту картину. Там еще всякое распродавали – и одежду, и ложки-вилки, но уж больно они были никчемные, – торговка брезгливо фыркнула. Потом погладила раму и посмотрела на портрет с некоторой даже любовью. – А картина мне понравилась. Посмотрите на нее, это же произведение искусства! Такую картину каждый захочет повесить у себя дома и будет доволен. Я бы повесила, – незаметно для себя самой торговка вновь принялась рекламировать товар.

Волгин еле сдерживался:

– Что за лагерь?

– Да тот, за городом. Где были пленные.

– Какие еще пленные?

– Русские. Их там много было.

– Это был лагерь военнопленных? – ошеломленно произнес Волгин.

– Ну да. Лагерь военнопленных, их там держали, в бараках. В лагере я и купила!.. На распродаже.

Тут раздался визг, а затем резкий свист. Торговка испуганно, будто защищая, прижала портрет к груди.

Вокруг забегали, засуетились люди – будто в большой муравейник кто-то воткнул палку. Кричали женщины, продавцы привычно прятали свой товар, некоторые стремительно откатывали в сторону тележки.

Сквозь толпу, расталкивая народ, бежал высокий худой брюнет в длиннополом пальто. За ним мчались несколько солдат военной полиции. Офицер всюду свистел в свисток, раздувая щеки.

Брюнет опрокидывал прилавки, отшвыривал всех, кто попадался на пути. Он споткнулся, упал, а когда поднялся, выхватил из-за пазухи пистолет и, не целясь, выстрелил в сторону преследователей.

Женщины завопили пуще прежнего и бросились врассыпную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.